

ЕСЛИ ВЫ ДО СИХ ПОР НЕ ЧИТАЛИ
АНДРЕЯ ВОРОНИНА – САМОЕ ВРЕМЯ ИСПРАВИТЬ ЭТУ ОШИБКУ

КОММЕРСАНТ

ДЕТЕКТИВ

Андрей Воронин

КРОССВОРД
ДЛЯ СЛЕПОГО

СТАВКА НА ВЕЧНОСТЬ

Слепой

Андрей Воронин

Кроссворд для Слепого

«ХАРВЕСТ»

2003

УДК 821.161.1(476)-312.4
ББК 84(4Бей=411.2)-445.7

Воронин А. Н.

Кроссворд для Слепого / А. Н. Воронин — «ХАРВЕСТ»,
2003 — (Слепой)

ISBN 978-985-18-3544-3

Секретный агент ФСБ Глеб Сиверов по кличке Слепой не силен в живописи и музыке, но дело с исчезновением картины его привлекает. Отлично натренированное шестое чувство суперагента подсказывает – за кражей тянется настоящее дело для профессионала. Слепой всегда доводит работу до конца.

УДК 821.161.1(476)-312.4
ББК 84(4Бей=411.2)-445.7

ISBN 978-985-18-3544-3

© Воронин А. Н., 2003
© ХАРВЕСТ, 2003

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	16
Глава 3	23
Глава 4	31
Глава 5	38
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Андрей Воронин

Слепой. Кроссворд для Слепого

© Воронин А., 2014

© Подготовка, оформление. ООО «Харвест», 2014

Глава 1

Генерал ФСБ Федор Филиппович Потапчук манией величия не страдал, он прекрасно отдавал себе отчет в том, что половину успеха его отдела обеспечивает специальный агент по кличке Слепой, о существовании которого знали немногие. И лишь сам Федор Филиппович знал настоящее имя этого человека – Глеб Сиверов. Только он мог отыскать его, имел выход на него.

Федор Филиппович никогда не являлся публичной фигурой, перед телекамерами не мелькал, интервью не раздавал, хотя внешностью обладал телегеничной: невысокого роста, седой благообразный мужчина в преклонных годах с немного театральной щеточкой серебряных усов, подтянутый, жизнерадостный, с озорными, вечно смеющимися глазами. Козырь перед публикой должностью и званием Федор Филиппович считал делом пустым и искренне сочувствовал тем, кто не мог избежать этого. Директору ФСБ, тому часто приходилось вместо того, чтобы заниматься работой, оправдываться перед журналистами.

Как и у всякого пожилого человека, у Потапчука имелись привычки, переросшие со временем в обряды. Бросить курить Потапчук собирался уже пятый год: врачи запрещали. Но если в чем-нибудь другом Федор Филиппович мог проявить волю, то здесь он был бессилён. Да, он мог не курить день, два, даже неделю или месяц, но тогда ни о чем другом, кроме сигарет, не был способен думать. Они снились ему, мерещились, он мог идти по улице за курильщиком лишь затем, чтобы ощутить запах табачного дыма. О том, что ему нельзя курить, напоминали все: и сотрудники, и начальство, и жена, и даже Глеб Сиверов, подтрунивавший над генералом за слабохарактерность.

Именно поэтому Потапчук каждую субботу выходил подолгу гулять на набережную. Гулял в одиночестве, надвинув на глаза шляпу, если было холодно, или надев солнцезащитные очки: опасался быть узнанным знакомыми при встрече. Именно во время таких прогулок генерал позволял себе в охотку выкурить одну-две сигареты и не чувствовал при этом угрызений совести. Гулял подолгу, по несколько часов, сперва предвкушая, как достанет из кармана портсигар, разомнет сигарету, а потом глубоко затянется горьковатым дымом.

В эту субботу стояла жара, и генерал Потапчук шел по набережной в светлом костюме, при галстукe, в простецких солнцезащитных очках, купленных в киоске всего за сорок рублей. Сверкала вода в реке, чайки кружили над ней, высматривая добычу. Иногда одна из них пикировала к воде, всего на мгновение касалась ее и взмывала в небо, сжимая в лапах трепыхающуюся рыбку.

Потапчук любил наблюдать за подобными сценками, на которые никто из занятых горожан внимания обычно не обращал. На набережную попадают люди, не занятые делом. Тут гуляют пенсионеры, резвятся дети, хмуро смотрят на поплавки безумные рыбаки, целуются парочки.

Потапчук шел заложив руки за спину и приветливо улыбался незнакомым встречным.

«Какой милый, добродушный пожилой мужчина», – думали многие из них, не подозревая, что на самом деле перед ними генерал ФСБ, вынужденный по долгу службы принимать иногда очень жесткие и даже жестокие решения.

Потапчук засунул руку в карман и нащупал полированный серебряный портсигар. Указательным пальцем прижал к ладони бензиновую зажигалку и подумал: «Дойду до балкончика на парапете, устроюсь на нем и закурю, – Федор Филиппович помимо воли прибавил шаг. – Эй, не спеши, – обратился он сам к себе, – к удовольствию нельзя бежать сломя голову. Сперва насладись им мысленно, а затем получи в реальности, после – вспоминай, как тебе было приятно. Глядишь, и меньше сигарет выкуришь.»

На балкончике никого не оказалось, неподалеку на лавочке сидел довольно опрятного вида бомж, если не считать страшных синяков и ссадин на лице. Генерал носком ботинка сбросил в реку пивную пробку, лежащую на балконе, проследил траекторию падения взглядом и увидел, как к планирующей к воде пробке подплыла большая рыба и попыталась проглотить ее.

«Вот дура!» – подумал генерал. Ему захотелось крикнуть «кыш», но рыба – не птица, не кошка, не услышит.

Наконец рыба сама разобралась, что к чему, выплюнула пробку и исчезла в глубине. Потапчук открыл портсигар, в котором лежало три сигареты – норма, которую он позволял себе в обычные дни. Генерал вытащил одну, поднес к носу и наслаждался ароматом отменного табака. Долго разминал хорошо набитую сигарету, с минуту держал ее в губах, втягивая через табак воздух.

Но всякому искушению бывает предел. Генерал провернул колесико бензиновой зажигалки, синий язычок заплясал на ветру. Потапчук не любил газовых зажигалок: гаснут от малейшего дуновения. То ли дело бензиновая, сработанная по принципу керогаза: чем сильнее ветер, тем ярче разгорается огонь. Он затаился глубоко и с наслаждением.

Уже сутки Потапчук не курил. Сразу же закружилась голова, но он знал, что это не от никотина. Чтобы попасть в кровь, раствориться в ней, никотину потребуется хотя бы минута, только потом он достигнет рецепторов в мозгу.

Бомж, кряхтя, поднялся со скамейки и заковылял к генералу.

– Извините – спасибо – пожалуйста. Здравствуйте, – прошамкал он ртом, наполовину лишенным зубов.

Потапчук даже не обернулся.

– Третий день в Вязьму добираюсь, – сообщил бомж, – вчера так напился, что даже штаны у меня украли.

– С некоторыми такое случается довольно часто. Бывает, – согласился Потапчук, страшно злясь, что ему мешают.

– Вот, нашел какие-то в контейнере, – бомж игриво продемонстрировал старое заношенное трико. – Теперь бы мне до Вязьмы добраться.

– Я не шофер такси, – глядя на воду, отвечал генерал.

– Если на электричку денег дать жалеете, тогда бы здоровье поправить – на пиво.

Потапчук редко ругался матом, но на этот раз пришлось, другого языка бомж просто не понимал.

– Сам такой, – услышал генерал в ответ.

«Эх, сигарета сгорела на целую затяжку, пока я сусала разводил, – расстроился генерал. – Надо было бомжару сразу матом обложить!»

Но докурить спокойно ему не дали. Он вновь спиной почувствовал у себя за спиной присутствие человека. Хотел было послать, но что-то сдержало его, осторожность или природный такт, присущий генералу. Он оглянулся: прямо за ним стоял заместитель директора ФСБ генерал-лейтенант Огурцов, естественно в штатском, и приветливо улыбался.

Потапчук знал точно, замдиректора здесь никогда не гуляет, иначе они встречались бы раньше. Люди такого ранга, как он, передвигаются по городу исключительно на служебной машине, оснащенной всеми видами спецсвязи, с хорошо натасканной охраной.

– Курите? – абсолютно нейтрально спросил замдиректора для того, чтобы заполнить паузу.

– Балуюсь, – зло ответил Потапчук и бросил окурочек в воду.

– Извините, Федор Филиппович, что не даю побыть одному, но...

– Да, конечно, дела. И в управлении нет дежурных офицеров.

– Есть даже дежурные генералы, – усмехнулся замдиректора, – но дело по вашей части. Человек службы должен быть готов к тому, что его могут выдернуть в любую минуту: из-за

праздничного стола, из постели жены или даже любовницы, из бани, из санаторного номера, с операционного стола. Дело срочное и не терпит отлагательства.

Генерал, твердо помнивший правила конспирации, знал, что вести секретные разговоры, стоя на месте, запрещено, нужно передвигаться. И он пошел рядом с замдиректора вдоль гранитного парапета.

Годы службы в секретном ведомстве приучили мужчин разговаривать тихо, не проявляя эмоций на лице. Глядя на них со стороны, могло показаться: идут двое пожилых мужчин и беседуют о семьях, о внуках, о начинающих донимать болезнях. На самом деле разговор шел о делах куда более важных.

Потапчук в душе злился, что опять его делали крайним, опять ему приходилось разгребать руками чужие завалы, копившиеся годами. Хотелось твердо сказать «нет», но вместо этого Потапчук изредка согласно кивал, понимая, что на месте генерал-лейтенанта поступил бы точно так же. Для проведения любой операции избирается самый быстрый, самый надежный путь, и в данном случае обеспечить решение мог лишь один человек – Глеб Петрович Сиверов, спецгент по кличке Слепой.

– Ты же понимаешь, Федор Филиппович, письменно отдать такой приказ я не могу. Если всплывет, что ФСБ имеет отношение к этому делу, не только моя голова полетит, но придется назначать и нового директора. Ты не раз уже вырубал контору.

– Я не волшебник, – напомнил Федор Филиппович.

– Ты, может, и нет, а вот твой спецгент...

– Его нет, его не существует, – улыбнулся генерал Потапчук.

На какое-то мгновение генерал-лейтенант Огурцов принял эту фразу за чистую монету, затем погрозил Федору Филипповичу пальцем:

– Именно поэтому он нам и понадобится. Несмотря на то что его не существует, гонорар я ему обеспечу приличным.

Потапчуку хотелось сказать, что вся ценность Слепого в том, что он не покупается на деньги, берется исполнять задания только тогда, когда досконально разберется и поймет, зачем ему необходимо вмешаться в ход событий.

– И смотри, – напомнил замдиректора, – лишние подробности твоему спецгенту знать незачем. От него требуется: или нажать на спусковой крючок, или подложить мину, забросить гранату в окно, нож метнуть – я уж не знаю, какой способ он выберет. Выбор цели за нами, а он волен в средствах. Я пока что не услышал от тебя слово «да», – напомнил замдиректора. Он явно куда-то спешил, то и дело поглядывая на часы.

«Конечно, время такого человека расписано по минутам.»

– Да, – с усилием выдавил из себя Федор Филиппович.

Генерал-лейтенант Огурцов обрадовался:

– Я знал, что ты человек старой школы. Смотри, много не кури, – замдиректора пожал вялую руку Потапчука и зашагал по набережной.

Только сейчас Федор Филиппович заметил черный «мерседес» с тонированными стеклами, стоявший прямо на парковой аллее. Генерал-лейтенант сел в машину и уехал.

«Даже не знаю, кто из них больше испортил мне сегодня настроение: замдиректора или вонючий бомж», – в сердцах подумал генерал Потапчук и уже без соблюдения ритуала закурил.

Затяжки он делал быстрые, неглубокие, резко поднося сигарету к губам.

«Сами плодят мерзавцев и преступников, якобы во имя благих целей, а потом спохватываются!»

Генерал метнул окурочек в урну. Тот ударился о край жестяного раструба и упал на асфальт. Потапчук поднял очки на лоб и, поскольку был дальнотзорким, стал набирать номер на «мобильнике», держа его на вытянутой руке.

– Да, Федор Филиппович, – услышал он в трубке спокойный голос Глеба. Фоном звучала классическая музыка, что-то из оперы. В композиторах Потапчук никогда не был силен, ни в высшей школе КГБ, ни в академии его этому не обучали.

– Ты сейчас где?

– Там, где вы можете меня найти.

– Жди, скоро буду.

– Кофе поставить? – очень уж по-домашнему спросил Сиверов.

– Если я буду пить кофе такой же крепости, как и ты, да еще стану выкуривать по пачке сигарет в день, то содохну, не дожив до понедельника.

– Вас, наверное, сильно разозлили?

– Кажется, и ты хочешь меня позлить. До встречи, – Потапчук, всегда бывший не в ладах с электроникой, боязливо нажал кнопку на трубке мобильного телефона и спрятал его в карман.

На набережную генерал пришел пешком от самого дома, хотя за ним и в выходные была закреплена дежурная машина. Потапчук уже собрался было ловить такси, даже поднял руку, стоя на бордюре, как увидел нагло пересекающую сплошную осевую линию черную «Волгу» с покачивающейся на крыше антенной спецсвязи. Это была его, Потапчука, служебная машина.

– Доброе утро, Федор Филиппович.

– Куда уж как доброе, – буркнул генерал, – если и тебе и мне отдохнуть не дадут.

– Получил срочный вызов. Куда едем?

– На Арбат.

Когда Федор Филиппович приезжал к Глебу Сиверову, то всякий раз покидал машину в новом месте. Даже его личный шофер не имел права знать, где расположена конспиративная квартира спецаргента. Для стоянок Потапчук определил себе два квартала.

– Ты чем, Василий, заняться сегодня думал? – спросил Федор Филиппович.

– Ничем, – признался шофер. – Просто отдохнуть собирался, поваляться, телевизор посмотреть.

– Вот если бы ты с дочкой в цирк собрался, – назидательно сказал генерал, – я бы тебя отпустил. А теперь ждать придется.

Шофер не обиделся, знал, это своего рода игра. Сказал бы, что с дочкой в цирк идет, Потапчук бы ответил: «Ничего, пусть жена с ней сходит. Женщине приятно на публике показаться».

– Жди здесь.

– Сколько ждать придется?

– Может, полчаса, а может, и все восемь.

Генерал бросил в портфель папку, полученную от замдиректора ФСБ, и, стараясь держаться подтянутым, распрямив плечи, перешел улицу. Это наедине с самим собой Федор Филиппович мог позволить расслабиться, с подчиненными же он держал себя так, будто его не могли одолеть никакие болезни.

Служебная квартира Сиверова располагалась в старом жилом доме. Жильцы подъезда знали лишь, что в ней находится мастерская какого-то художника. Глеба Сиверова можно было представлять кем угодно – художником, журналистом, рабочим, писателем. Он обладал универсальным лицом, в котором каждый был волен разглядеть что угодно: один интеллектуала, другой недалекого рубаху-парня, третий ловеласа. Скажи кому-нибудь, что Глеб – преступник, отсидевший десять лет за убийство, поверили бы и этому. Такая внешность удобна – захочешь, на тебя обратят внимание, а пожелаешь – никто тебя и не заметит. Своеобразная шапка-невидимка.

Потапчук преодолел шесть высоких этажей без единой передышки и, остановившись у металлической двери, прислушался к биению сердца.

– Входите, Федор Филиппович, – уже из коридора на генерала пахнул чудесный аромат свежесваренного кофе, дым дорогих сигарет. Слышна была музыка.

– Снова Вагнер? – Потапчук снял солнцезащитные очки и, поскольку это было единственное, с чем он пожелал расстаться, положил их на полку вешалки.

– На этот раз Верди.

– Никогда отличать их не научусь.

– Вам это и не надо.

Генерал прошел в большую комнату. Она многим напоминала мастерскую художника, если не считать, что в ней не было ни единого холста, ни единой картины. Подиум, застланный полотном, лампы, укрепленные на кронштейнах, ими при желании можно было осветить любую точку помещения. Компьютер, немного книг на деревянной полке и, конечно же, музыкальный центр и стойка для компакт-дисков.

– Ты бы для приличия хотя бы этот, как его... – пытался припомнить генерал, – поставил.

– Этюдник, что ли? Или мольберт?

– Конечно, он самый.

– Ко мне только вы и приходите. Но вы-то знаете, что я не художник. К тому же теперь художник может работать и на компьютере, без красок. Глеб широким жестом указал на потухший монитор и тут же спросил: – Как сердце, Федор Филиппович?

– Как в молодые годы, – улыбнулся генерал.

– Это как? – сразу почувствовал подвох Глеб.

– Так же неровно оно у меня билось, когда я впервые поцеловал девушку.

– Надеюсь, все остальное функционирует не хуже?

– Да, да, все как и в первый раз, – генерал принял из рук Сиверова чашечку с кофе. – Соблазны те же, но возможности уже не те, – вздохнул Потапчук. – Теперь мне только и остается что нюхать кофе, вдыхать дым твоей сигареты и глазеть на женщин. Страшно, Глеб! Мозги остаются прежними, а тело дряхлеет, – генерал звонко положил на журнальный столик портсигар, вытащил последнюю сигарету и картинно прикурил от бензиновой зажигалки. – Глеб Петрович, ты на меня не обижайся, пришел я к тебе по делу, от которого нельзя отказаться.

– Кому нельзя, мне или вам? – сразу же уточнил исходные позиции Глеб.

– Мне нельзя, а значит, тебе – тоже. Я сам сто раз себе в душе говорил «нет», придумывал десятки способов увильнуть, но, когда меня прямо спросили, берусь я или нет, ответил одним словом – «да».

– Я еще не знаю, что отвечу, – серьезно сказал Глеб, сядя напротив генерала.

– Музыку выключи.

Глеб подхватил пульт дистанционного управления и через плечо направил его на музыкальный центр. Музыка мгновенно замолкла.

– Тебе придется убрать одного человека, – и тут же, предвидя возражение, Федор Филиппович вскинул руку. – погоди, Глеб, отказаться ты всегда успеешь. Войди в мое положение, меня обязали не разглашать тебе подробности, просто указать цель. Но для этого стоил бы банальный киллер.

– Уже и вы сорите английскими словечками, – подколот Потапчука Слепой.

– Я, зная твои принципы, расскажу тебе предысторию человека, и ты узнаешь, почему именно его, именно сейчас решили убрать. А тогда решай сам.

– Я хотел бы глянуть на его фотографию, – попросил Сиверов.

Федор Филиппович с готовностью распахнул папку, полистал и вытащил большого формата портрет, отпечатанный на цветном принтере. Перед Глебом был портрет мужчины типично восточной внешности: жесткие темные волосы, округлое полное лицо, карие глаза с легкой поволокой, какие в народе принято называть коровьими, несколько щегольские усы.

– Я могу сказать, что этот человек обладает сильной волей, – тихо сказал Глеб, обращаясь как бы к самому себе, – что родился на Среднем Востоке. По национальности скорее всего – он задумался, – узбек, но не из наших, не из советских. Большую часть жизни провел в Афганистане, в боях, если и участвовал, то как командир. В атаку не ходил, в окопах не сидел. Фото сделано не так давно, теперь он живет в России, – Сиверов отложил фотографию и глянул на генерала с легкой улыбкой, мол, не ошибся?

– Не знаю, Глеб, как ты это делаешь, но все – сушая правда. Даже если ты назовешь его имя, я не удивлюсь, а наоборот, это многое объяснит мне. Возможно, ты уже встречался с ним?

– Нет, никогда. Скажите, Федор Филиппович, какое из предположений, сделанных мною, более всего удивило вас?

– Откуда ты знаешь, что он сейчас живет в России?

– Иначе вы ко мне не обращались бы, иначе он не попал бы в сферу интересов ФСБ.

Потапчук рассмеялся:

– Глеб, или ты слишком умный, или я слишком тупой.

– Ни то ни другое, Федор Филиппович, просто каждый из нас привык мыслить своими категориями.

– Да, он афганец, по национальности – узбек, зовут его Омар шах-Фаруз. Во время афганской войны поддерживал наших, занимал большие должности, но умел ладить и с душманами. Никогда не лез вперед, не светился. После вывода советских войск перебрался в Москву. Омар был ценным клиентом для ГРУ, для внешней разведки, ему доверяли и доверяют в арабском мире, особенно в Палестине и в Ираке. Благодаря ему в восьмидесятые годы наше правительство легко переправляло на Восток партии оружия.

– Кому переправляло? – уточнил Сиверов.

– Тогда это называлось «помогать национально-освободительным движениям», теперь чаще употребляют термин «пособничество международным террористам».

– Связи, как я понимаю, у него остались?

– Еще какие! Когда у нас начался дикий капитализм, Омар круто поднялся. Его друзья из Афганистана быстро сообразили, что лучшего места для отмывки денег, чем Россия, не придумаешь. Если во всем мире гонятся за легальными деньгами, размещенными на банковских счетах, то у нас в почете «наличка». Русские фирмы готовы перечислять деньги полтора к одному, для того чтобы обналить безнал. У наркоторговцев другая задача – наличные деньги превратить в банковский счет. Омар поставил дело на широкую ногу. Сегодня по Москве и России ему принадлежат пять супермаркетов, восемь крупных магазинов, сеть заправок на юге, даже несколько региональных газет и, подозреваю, еще многое, о чем ФСБ даже не догадывается. Но это лишь видимая часть, хотя и ее Омар особо не афиширует. Только избранные люди в тех же супермаркетах знают, кому они принадлежат на самом деле. Основной же его промысел – торговля российским оружием.

– И ФСБ об этом знало?

– Знало и знает. Насколько я понимаю, он занимается этим с молчаливого благословения нашего правительства.

– По какой схеме?

– Он переправляет стрелковое вооружение, гранатометы в Беларусь, а уже оттуда направляет их по своей клиентуре в горячие точки – в ту же Югославию, на Ближний Восток, в Африку. Мы не можем официально вести торговлю оружием с воюющими странами, а Беларуси в международном плане терять уже нечего. До этого Омар проводил сделки чисто, но если бы его и накрыли, то к России претензий не предъявишь. Ответ у чиновников был заготовлен: оружие белорусское, бывшего советского производства, вот к белорусам претензии и предъявляйте.

– И чем же теперь не угодил нашей конторе Омар? – Глеб продолжал разглядывать фотографию.

– Американские, английские и французские спецслужбы раскопали, что это именно Омар шах-Фаруз организовал два теракта. Помнишь, когда расстреляли в Париже автобус с английскими туристами? И второй террористический акт – взрыв в Чикаго, в супермаркете. Американцы сейчас готовят документы и через три недели потребуют от России выдачи Омара шах-Фаруза. Пойти мы на это не можем. Во-первых, Советское правительство предоставило ему гарантии безопасности, когда он переезжал в Москву, во-вторых, выплывут на белый свет не только подробности по сделкам с оружием советского производства, но и выяснится, что мы до сих пор подбрасываем оружие палестинцам, переправляем его в Ирак. Омар не должен попасть в руки американцев, и не потому, что там его ожидает электрический стул, просто мы не можем поставить под удар правительство России. К тому же он мерзавец, – напомнил Потапчук, – дважды его обвиняли в изнасиловании несовершеннолетних, но он откупался деньгами.

– Погодите, Федор Филиппович...

– Он был мерзавцем во все времена, и когда торговал оружием с теми, кто представлял наши интересы на Востоке, и тогда, когда готовил террористические акты.

– Я согласен, что он заслужил смерть и не избежит ее. Но при чем здесь я?

– Во-первых, – Федор Филиппович принялся загибать пальцы, – мы не можем допустить, чтобы он попал в руки заграничных спецслужб. Во-вторых, мы не можем устранить и даже арестовать его официально, в-третьих, мы не можем допустить, чтобы его ликвидировали в России, это сразу же спровоцирует ненужную шумиху – за месяц до того, как Омара затребуют западные правительства по обвинению в подготовке терактов, его убьют в Москве? Нет, Глеб, есть единственный способ повернуть дело так, чтобы комар носа не подточил. Омар редко покидает Москву, наверное, все вышеперечисленное он понимает не хуже нас с тобой. На протяжении будущего месяца Омар всего один раз покинет пределы России, вот тогда ты и должен убрать его.

– Пока что должны вы, я еще не сказал «да».

– Но и не сказал «нет», – улыбнулся Федор Филиппович.

– Какие интересы на этот раз он преследует в Беларуси?

– Омар едет в Витебск на музыкальный фестиваль «Славянский базар».

Улыбка Сиверова свидетельствовала: знаем мы эти фестивали, террористов музыка интересуется в последнюю очередь.

– Как звучит официальная версия? – спросил Глеб.

– Омар спонсирует выступление палестинской певицы.

– С каких это пор палестинцы стали славянами? – деланно удивился Глеб.

– А израильские певцы на том же «Славянском базаре» тебя не смущают?

– Я уже привык, что к славянам, когда это выгодно, у нас причисляют и грузин, и армян, и даже греков.

– Не знаю, – нахмурился Потапчук. – Такие вопросы задавай не мне, а устроителям фестиваля. Если устранение Омара произойдет на территории Беларуси и это будет выглядеть как криминальная разборка или же как несчастный случай, считай, ты вытацишь Россию из еще одной выгребной ямы прошлого.

– Боюсь, как бы это не втянуло ее в новую яму, – Глеб одним глотком допил кофе.

– Вот все, что на этот день у меня есть, и больше не предвидится, времени мало.

Потапчук принялся раскладывать на журнальном столике документы. Сиверову даже пришлось переставить кофе на подиум. Потапчук, увлекшись, не выпускал сигарету из зубов. Он уже позаимствовал вторую из пачки Сиверова.

– Вот номер вагона и поезд, которым Омар отправится в Витебск, поэтажный план гостиницы «Эридан». В ней он проживет весь фестиваль, если, конечно, не передумает. Кстати, номер певички с ним на одном этаже.

– Его амурные похождения меня не интересуют.

– Почему?

– Влюбленность или даже сексуальная слабость – это чисто человеческие чувства. Я не могу себе позволить очеловечивать врага.

– Для тебя он не человек, а мишень, – строго напомнил Потапчук одну из заповедей специального агента. – Передвигаться по городу Омар будет на собственной машине – новой «вольво», черной. Ее перегонят в Витебск. Программы пребывания Фаруза я не знаю, и вряд ли она существует. Держи расписание концертов и приемов. Если хочешь, я могу организовать тебе приглашение на каждый из них.

Сиверов задумчиво перебирал бумаги, складывал их в одному ему ведомом порядке.

– Он едет один?

Потапчук пожал плечами:

– Времени было очень мало. Информацию взяли из подбора – то, что имелось в ФСБ. Ведь только вчера американцы специально организовали утечку из своего ведомства, чтобы мы смогли успеть убрать Омара.

Потапчук помедлил и неуверенно предложил:

– Назови свою цену за работу, Глеб.

– Пока я сделать этого не могу.

– Почему?

– Боюсь продешевить. Я не знаю, зачем он едет, с кем встречается, но главное, Федор Филиппович, мне придется действовать в экстремальных условиях.

– Почему?

– Витебск – город небольшой. Народа во время фестиваля набьется выше крыши.

– Затеряться среди приезжих – дело плевое.

– Вы, наверное, плохо читали программу фестиваля, – и Сиверов подал генералу папочку с аккуратно заправленными в пластик бумажными страницами.

Теперь и до Потапчука дошло, какую подставу ему учинил замдиректора ФСБ. В программе значилось, что в один из дней фестиваля на сцене появятся сразу три президента: России, Украины и Беларуси.

– Вы представьте себе, – Глеб придавил пепельницей программу, – три президента – три службы охраны, тройные меры предосторожности. На курок, как говорите вы, я нажать смогу, и Омар будет мертв. Но после этого начнется что-то невообразимое: амфитеатр на пять тысяч мест, начнется стрельба – люди затопчут друг друга. Я, конечно, умею многое, но в службу охраны глав государств набирают не последних идиотов. И конечно же, Федор Филиппович, день, когда президенты встречаются, никому не известен заранее. Одни меры предосторожности порождают другие, а в результате может сорваться хорошо задуманная операция.

– Я постараюсь разузнать точное число встречи, – неуверенно проговорил генерал.

– И не пытайтесь. Информации вы не получите. Хорошо. Я берусь устранить Омара, – полуприкрыв глаза, проговорил Глеб.

– Что тебе для этого нужно?

– Полчаса тишины.

Генерал Потапчук сидел, боясь пошевелиться, чтобы не спугнуть Сиверова. Тот молча курил, выпускал колечки дыма, пытался нанизать их на сигарету, иногда просто любовался их извивами.

Когда долго чего-то ожидаешь, поневоле начинаешь прислушиваться к собственному организму, а если лет тебе порядочно – что-нибудь да обнаружишь. Сперва Потапчук ощущал

свое сердце, билось оно сносно, но не так часто, как в молодые годы. И потихоньку генерал стал забывать о нем. Зато стала ныть рана, полученная три года тому назад. Генерал вообще поражался, как тогда он остался жив. Если бы не упал головой в снег – лежать бы ему сейчас на кладбище или, что хуже, в больничной кровати, пребывая в состоянии овоща. Обнаружили его лишь через полчаса после остановки сердца. И если бы не свалившаяся шапка, не двадцатиградусный мороз, не снег, охладивший мозг и сохранивший его от омертвения...

Потапчук поежился, представив себе ледящую душу картину: больничная палата, резкий запах мочи, плачущая жена...

И тут он почувствовал, что ноет зуб, давно залеченный и прикрытый коронкой. Боль была сперва слабой, еле ощутимой, но коварной, нарастающей, подступавшей толчками. Потапчук недовольно поморщился.

– Вы расстроены тем, что я так долго думаю? – спросил Глеб, мыслями вновь возвращаясь в мастерскую.

– Нет, Глеб Петрович, ты тут ни при чем. Зуб побаливает.

Сиверов пропустил ответ мимо ушей:

– Мне нужны... – Глеб глубоко вздохнул, чтобы выпалить все на одном дыхании.

Потапчук торопливо схватил бумагу и ручку. На память, подпорченную прожитыми годами, он не надеялся.

– ...две хорошие бельгийские снайперские винтовки, их заранее спрячут в указанных мной местах. Ослепляющая граната, лучше три штуки. Магнитная мина, эквивалентная килограмму тротила, с электронным управлением. Автомобиль представительского класса с затемненными стеклами и московскими номерами, лучше всего шестисотый «мерседес», – гарантировать, что он вернется целым, я, естественно, не могу; униформа водителя...

Потапчук на глаз попытался определить размер, который носит Сиверов, но тот его опередил:

– Униформа должна быть сшита на двухметрового верзилу. Ботинки – сорок шестого размера, при ходьбе они не должны издавать ни звука.

Потапчук автоматически записал и это.

– С гостиницей во время фестиваля, как понимаю, будет напряженка. Но мне нужны: один номер в гостинице «Эридан», где поселится Омар, еще один номер в самой большой гостинице города и хороший номер в каком-нибудь пригородном доме отдыха или на туристической базе, в мотеле, не дальше двадцати километров от Витебска.

– Что еще?

– Еще мне нужна боевая машина пехоты с полным боекомплектом и замаскированное укрытие для нее на минском выезде из города.

Не дописав до конца, Потапчук вскинул голову и уставился на Сиверова.

– Это серьезно?

– Настолько же, как и униформа для двухметрового верзилы, – рассмеялся Глеб. – Уже и пошутить нельзя. Вы слишком мне доверяете, Федор Филиппович. Вычеркивайте боевую машину пехоты.

– И униформу? – спросил Федор Филиппович, любивший во всем порядок.

– Нет, униформу оставьте. И ботинки тоже.

– На хрена они тебе сдались?

– О том, что я существую в вашем ведомстве, некоторые знают. И если вы закажете униформу и ботинки, то нетрудно будет понять, что они предназначены для меня. Пусть думают, будто я два метра ростом и ношу сорок шестой размер.

– Глеб, я и не подозревал, что ты так осторожен. Как ты решил его убрать? – сложив бумагу пополам и засунув во внутренний карман пиджака, спросил Потапчук.

– Пока еще не знаю. Осмотрюсь на месте. Номер в гостинице закажите за два дня до фестиваля. Да, и бэдж участника «Славянского базара» мне не забудьте принести.

– Какую должность в нем тебе проставить?

– Координатор.

– Хорошо, Глеб. Документы получишь через неделю. Никуда из Москвы не уезжай, будь на месте. Если понадобится, я тебя отыщу. Возможно, дадут отбой.

Потапчук с отвращением загасил недокуренную сигарету. Во рту горчило, голова кружилась.

– Спасибо, Глеб, что не отказал.

– Не забудьте, цену я назову после того, как выполню задание.

Сиверов пожал генералу руку, и Потапчук вышел на лестничную площадку.

Шофер дремал в машине, откинув спинку сиденья. Он даже не сразу проснулся, когда Потапчук постучал в стекло.

– Можешь ехать в гараж без меня, Василий. Я уж как-нибудь дойду пешком. Надеюсь, тебя сегодня больше никто не потревожит.

Сказав это, Федор Филиппович заложил руки за спину и пошел по улице. Тучку согнало ветром, и ярко засияло солнце. Только тогда Потапчук вспомнил, что забыл солнцезащитные очки на вешалке у Глеба Сиверова.

– Не велика потеря, всего сорок рублей, – щурясь от яркого света, пробормотал генерал и опустил руку в карман, где обычно держал портсигар. Он знал, что в нем нет ни сигареты, но есть вещи, к которым привыкаешь и без них чувствуешь дискомфорт. Плоский, на один ряд сигарет, серебряный портсигар покоился на месте. Но рядом с ним отыскались и очки, хотя генерал точно помнил, что повесил их на вешалку.

«Когда только засунуть успел? И все-то он примечает, – подумал генерал о Сиверове. – Глеб, если согласился, выполнит задание.»

Глава 2

К контрольно-пропускному пункту на белорусско-литовской границе, в районе небольшого городка Ошмяны, вытянулись две длинные очереди машин – отдельно трейлеры, отдельно легковые. Пересменка на таможене только началась, и те, кто не успел пересечь границу, коротали время: кто раскладывал прямо на капоте машины нехитрый ужин, состоящий из сала, черного хлеба и минеральной воды; кто перебрасывался в карты. Никто не нервничал. Люди здесь собрались в основном привычные: челноки, дальнобойщики, мелкие бизнесмены.

Обе смены белорусских таможенников собрались во времянке. Здание терминала с восточной стороны еще достраивалось. Отбывшие смену переодевались в штатское, прибывшие – надевали форму. Начальник новой смены Козлятко переоделся раньше других. Грузный мужчина с благородной сединой, в форме, он смотрелся внушительно. Люди, плохо знавшие его, испытывали при встрече с ним беспричинное волнение. Даже кристально чистым туристам, не везущим через границу ничего запрещенного, тут же мерещилось, что их ссадят с автобуса, потому что в чемоданах непременно отыщется контрабанда.

Бывают такие люди, которые одним своим видом умеют внушать почтение и трепет. Но стоило повнимательнее и непредвзято заглянуть Козлятко в глаза, как тут же становилось ясно: никакой он не страж порядка, а самый заурядный вороватый чиновник. Глаза у него бегали, как у всякого воришки, укравшего больше, чем ему положено. Обычно на таможене работают не больше трех лет, а затем уходят в легальный бизнес. Иначе накопленное богатство трудно спрятать от посторонних глаз.

В Ошмянах Козлятко жил в простом деревянном доме, доставшемся ему еще от отца, но успел возвести два коттеджа по другую сторону границы, в Литве. Их обживали его сыновья с невестками. Так уж повелось: литовские пограничники строили дома в Беларуси, а белорусские – в Литве. Козлятко служил на таможене уже третий год и начинал подумывать, куда бы ему вложить деньги.

Начальник смены стоял на крыльце вагончика времянки и курил. Сигарет, как и спиртного, он уже давно не покупал, все приносили ему прямо на дом.

Вереница машин растянулась почти до горизонта, и таможенник обреченно вздохнул.

«Придется поработать... Сволочи, – подумал он о сменщиках, – в конце работы дурака валяли, чтобы нам больше единиц транспорта осталось. Ну ничего, я вам в утреннюю пересменку устрою, за смену не разгребетесь, – взглядом таможенник выхватывал из очереди знакомые машины. – С водителя восьмидесятой «ауди» много не получишь, – думал он, – максимум десятку. Как всегда, везет контрабандную водку. А вот с водителя белого микроавтобуса можно поживиться и соткой – челноков катает.»

Когда виртуальная сумма достигла пятьсот баксов, Козлятко сладко потянулся, щелчком отбросил дымящийся окурок и вернулся во времянку.

В это время со стороны Минска появился темно-синий внедорожник «опель». За рулем сидел худощавый мужчина лет сорока пяти, по-модному небритый, в дорогой, но безвкусной одежде. Сразу чувствовалось, что человек всю жизнь проходил в форме и теперь никак не научится носить костюм. «Опель», взвизгнув тормозами, остановился в самом конце очереди. Мужчина ступил на асфальт и, приложив козырьком ладонь к глазам, глянул вперед. Идти полтора километра пешком ему не улыбалось, да и бросать машину на произвол судьбы – не дело. Он забрался в салон и, вытащив из перчаточного ящичка машины пачку долларов, принялся на коленях методично отсчитывать купюры. Когда соток набралось ровно тридцать, он туго свернул их в трубку и перетянул черной аптекарской резинкой. Завернул в газету, аккуратно закрутил концы, отчего денежный сверток стал похож на большую конфету. После этого мужчина круто вывернул руль, и джип сполз с пологого откоса.

Среди кустов и молодых сосенок петляла не то дорога, не то тропинка, вся в выбоинах, в лужах. Машина, поскрипывая и раскачиваясь, ползла вдоль шоссе, уставленного автомобилями. Наконец впереди показалось проволочное ограждение. Мужчина заглушил двигатель и забрался по откосу к сетчатому забору. Неподалеку виднелась времянка таможенников. Как назло, на крыльце никого не оказалось.

Пару раз мужчина неуверенно крикнул:

– Эй!

Но внутри вагончика играло радио, и никто его не услышал. Тогда он насобирав пригоршню шишек и стал их бросать. С третьей попытки удалось попасть в окно. Стекло жалобно задребезжало. Таможенник, чья широкая спина виднелась в окне, обернулся и нехотя свернул веер карт.

– Эй, начальник, – обратился он к Козлятку, – твой братан приехал.

То, что мужчина на «опеле» никакой не родственник начальника смены и уж тем более не брат, знала каждая собака на границе. Ошмяны городок небольшой, и люди, что-то значащие в его жизни, знают друг о друге все. Но условности соблюдать приходилось. Раз начальник сказал, что владелец «опеля» двоюродный брат, – значит, так тому и быть.

– Опять за кого-нибудь просить станет, – фальшивое недовольство исказило лицо Козлятку, но при этом глаза его радостно засветились.

Он неторопливо проследовал на крыльцо и приветственно помахал небритому мужчине за сетчатым забором.

– Ты чего, Леонид, камнями бросаешься? Стекло разобьешь – вставлять заставлю.

– Это же всего лишь шишки, – подмигнул Леонид и продемонстрировал кулак, с двух сторон которого торчали газетные хвосты.

Таможенник погрозил визитеру пальцем, при этом довольно улыбнулся. Козлятку вплотную подошел к забору и поздоровался с Леонидом Новицким, бизнесменом из Минска. Поскольку ячейка в проволочной сетке была мелкая, здороваться пришлось не пожатием руки, а сцепив указательные пальцы.

– Сегодня ночью фура придет, – особо не боясь, что его услышат, говорил Новицкий, – ты уж, как всегда, обеспечь беспрепятственный проход товара.

– Ох уж эти мне бизнесмены! – вздохнул таможенник. – Мебель возите, а в документах указываете – дрова.

– Ну уж, не дрова, – изобразил обиду Новицкий, – а полуфабрикаты для мебельного производства.

– Кончится когда-нибудь мое терпение.

Рука таможенника красноречиво искала в сетке ячейку покрупнее. Новицкий изловчился и просунул в дырку сверток с деньгами.

– Три штуки, как и договаривались. Совсем ты меня разоряешь.

– Я же не крохобор какой-нибудь, не все мне в карман идет. Такса существует, мне с литовцами делиться надо.

– Можно подумать, они с тобой не делятся.

– Они? – начальник смены сплюнул под ноги, – они скорей задавятся, чем лишнюю копейку переплатят. Наши, славяне, – другое дело.

Козлятку говорил так для порядка. На той стороне границы в таможене служили отнюдь не литовцы, а те же белорусы и поляки, что и с восточной стороны. Многие из них являлись родственниками друг другу. Литовцем по паспорту был лишь начальник смены, да и тот носил подозрительную фамилию Баранаскас. Местные старожилы утверждали, что еще его дед по паспорту был Барановым.

Тугой скруток спрятался в широкой, как совковая лопата, ладони белорусского таможенника.

– Смотри, чтобы до девяти утра фура пришла. До пересменки, – предупредил Козлятко, – сменщики заступят, не пропустят.

– Будет как всегда, – пообещал Новицкий, подмигивая начальнику смены.

Расстались они полностью довольные друг другом. У Козлятко было не много таких хороших клиентов, как Новицкий. Обычно деньжата обламывались по мелочевке. А разницы нет: берешь десять баксов или десять тысяч – рискуешь одинаково. Объявился Леонид на пограничном переходе год назад и сразу же предложил выгодную схему: пригоняют фуру с мебелью, накладные же оформлены как на материалы – ламинированные плиты, древесный массив. Первое время Козлятко удивляло направление, в котором Новицкий возит мебель: из Беларуси в Литву. Обычно же возили с запада на восток.

«У каждого свой бизнес, – рассудил таможенник. – Не станет человек действовать себе в убыток.»

Новицкий, проклиная лес и грязь, вновь выехал на шоссе.

«Жаль, машина не собака, чтобы отряхнуться от грязи, – подумал он, разглядывая залепленные грязью колеса джипа. – Пока доеду до Минска, на ветру обсохнет и обвалится», – решил он, вновь садясь за руль.

Ему повезло. Новицкий пристроился за машиной с дипломатическими номерами и мчался по шоссе со скоростью сто двадцать километров в час. Гаишники с радаром радостно выбегали на шоссе из своих укрытий, но потом зло матерились: с дипломата не потребуешь откупного. За компанию проскакивал и Леонид.

Бизнесом Новицкий пытался заняться уже давно – с самого конца перестройки. Бывший офицер, прошедший Афганистан, с распадом Советского Союза оказался не у дел. Он пробовал изготавливать надмогильные памятники, торговать фруктами, мороженой рыбой. Но стоило ему чуть-чуть развернуться, как тут же, словно стервятники на падаль, слетались контролеры и налоговики. Приходилось откупаться. И чем больше Новицкий платил, тем больше становилось желающих.

В конце концов, чтобы совсем не прогореть, приходилось свертывать дело и начинать новое. А освобожденную им нишу уже занимал кто-нибудь из родственников чиновников, наставших на него проверки. Но Новицкий был упрям. Полтора года тому назад он решил торговать мебелью. Возил дешевую белорусскую мебель в Литву, где сбывал ее процентов на тридцать дороже. Закон старался ни в чем не нарушать, документы оформлял правильно, налоги платил исправно. Кое-что оставалось ему и на жизнь.

И в тот момент, когда бывший советский офицер смирился с мыслью, что уже никогда не сумеет круто разбогатеть, а будет довольствоваться крохами, в его небольшой офис на окраине Минска зашел несколько странного вида человек. То, что пришедший не славянин, Новицкий понял с первого взгляда: жесткие черные волосы, масляные глаза.

– Омар, – назвался визитер и без приглашения уселся в мягкое кресло для гостей.

По-русски Омар говорил правильно, слов не коверкал, хотя и чувствовался легкий акцент. Вместе с тем в его разговоре присутствовал и типичный московский говорок. Слово за слово, выяснилось, что Омар – афганец, перебравшийся после ухода советских войск в Москву. Немного странно было видеть перед собой человека из страны, с которой ты сам воевал. Омар рассказал, что тоже занимается мебельным бизнесом и хотел бы объединить усилия.

На многое Новицкий не рассчитывал, но, когда Омар изложил свои условия, у Леонида глаза округлились. Самому ему почти ничего не нужно было делать. Мебель за свои деньги покупал афганец, грузил ее в фуру в Москве и пригонял в Беларусь. Все, что от Новицкого требовалось, – найти в Минске трейлер, прицепить к нему уже загруженную фуру и дать взятку таможеннику на границе, чтобы груз пропустили без досмотра. Трейлер доставлял фуру в Клайпедский порт и тут же возвращался в Минск.

За каждый рейс Омар предлагал Новицкому десять тысяч долларов. Три тысячи уходили на взятку, полторы тысячи на транспортировку, еще пятьсот приходилось отдать как таможенную пошлину, полторы тысячи съедали офис, налоги. В результате каждую неделю у Новицкого на руках оставалось три с половиной тысячи долларов. Когда Леонид проработал с Омаром три месяца, то почувствовал вкус больших денег. Приятно радовало и то, что, всяческие проверки и бандиты улетучились как по мановению волшебной палочки.

Леонид осторожно поинтересовался у афганца, почему, собственно говоря, тот не может сам дать взятку таможеннику и найти белорусский трейлер. Афганец улыбнулся и похлопал бывшего советского офицера по плечу:

– Леся, не забывай, кто ты, а кто я. Восточных людей – азиатов – у вас не любят. Одно дело, когда взятку дает свой, славянин, а другое, когда деньги пытается втюхать лицо нерусской национальности. Мне так спокойнее. Поверь, деньги я тебе зря не плачу.

И Новицкий успокоился. Он чувствовал, что у Омара многое схвачено. Возможно, кроме мебели, он переправляет через границу и небольшие партии наркотиков. Но если хочешь получать большие деньги, то приходится поступаться и принципами. К тому же Новицкий одинаково не любил и прибалтов, и мусульман.

«Если мусульмане и травят прибалтов наркотиками, то это их разборки и их проблемы», – рассудил он.

До Минска от границы Новицкий домчался за два с половиной часа, благо, не надо было ехать через весь город: его офис находился на северо-западной окраине столицы Беларуси. Офисом одноэтажную хибару из силикатного кирпича мог назвать только неисправимый оптимист. Когда-то тут располагался приемный пункт стеклотары, но он Новицкого вполне устраивал. Здание на двадцать квадратных метров и огороженная площадка – склад.

Омар скучал, сидя за письменным столом. Афганец забросил на столешницу ноги, обутые в дорогие ботинки. Новицкий каждый раз изумлялся: подошвы ботинок были такими чистыми, словно афганец надел их, уже зайдя в кабинет.

Фура, прибывшая из Москвы, стояла на площадке. Омар с недоверием взглянул на часы:

– Быстро же ты успел обернуться.

– Все в порядке, таможня дает добро. Готовь документы.

Омар уступил хозяйское кресло Новицкому.

Документы, прибывшие с фурой, из которых следовало, что она загружена мебелью московских производителей, Омар спрятал в портфель. Новицкий составил новые накладные. По ним получалось, что фура загружена полуфабрикатами белорусского производства.

– Мы с тобой фокусники, почище Дэвида Коперфильда, – рассмеялся Омар. – Трахтибидох, и концов не найти.

Сделка между афганцем и белорусом никогда не составлялась документально: деньги из рук в руки – наличными, документы писались с чистого листа.

Компаньоны еще успели посмотреть последние новости по старому, купленному на барахолке, телевизору, когда подъехал заказанный Новицким трейлер. Шофер всегда приезжал один и тот же – Виктор Баранчук на новеньком МАЗе.

Баранчук, хоть и было ему уже пятьдесят лет, лелеял мечту начать собственное дело – скопить денег и купить микроавтобус, возить на нем челноков в Россию, Польшу и Литву. Потому и рвался работать с фирмой Новицкого: тот жадным не был, всегда набрасывал полтинник сверх положенного – лишь бы только в дороге ничего не случилось.

Баранчук привычно, не дожидаясь хозяина, подогнал трейлер под фуру, закрепил ее, и только собрался зайти в офис, как навстречу ему вышли Омар и Леонид. Омара Баранчук видал редко, раз пять за все время, но знал, что это именно тот человек, который дает ему работу. Шофер и афганец вместе обошли фуру, проверили пломбы.

– Смотри не гони: растрясешь, – предупредил Новицкий, передавая Баранчуку документы. Затем вручил конверт с деньгами. – Когда приедешь в Клайпеду, позвонишь мне на «мобильник».

– Хозяин, все будет в ажуре, – пообещал Баранчук, забираясь в кабину МАЗа.

Папку с документами он бросил на соседнее сиденье, конверт же с деньгами спрятал глубоко во внутренний карман потертого кожаного пиджака. Как всегда перед дорогой, Баранчук закурил крепкую сигарету без фильтра, вставленную в погрызенный пластиковый мундштук. Шоферу с мундштуком курить сподручнее: держись двумя руками за руль, сигарета в губах не мокнет, дым глаза не ест. МАЗ выбросил из выхлопной трубы густое облако темного дыма, и фура медленно выехала с площадки.

– Сегодня мы поедем за ним, – неожиданно сказал афганец.

Новицкий, уже настроившийся, что через час будет дома, мысленно выругался. В холодильнике его ждала целая упаковка баночного пива и бумажный пакет с сухой рыбой. Теперь же получалось, что, только вернувшись от литовской границы, он вновь должен к ней ехать. Леонид умалаяюще посмотрел на афганца, но во взгляде того не было жалости.

– Я должен проследить, – спокойно сказал Омар.

Леонид почувствовал: упрашивать бесполезно.

«В конце концов, это такая малость, – утешил он себя, – по сравнению с деньгами, какие мне платит Омар.»

Мужчины сели в «опель».

– Не старайся догнать. Иди так, чтобы между нами оставалось несколько километров.

«Зачем?» – хотелось спросить Леониду.

Он не видел в этом смысла. Но Омар был не из тех людей, кому принято задавать вопросы.

«Что ж, – решил Новицкий, – придется смотаться туда и обратно. В холодильнике пиво не согреется и не скиснет.»

Дорога к границе была одна, и, если бы с машиной Баранчука что-то случилось, они непременно увидели бы ее стоящей на обочине.

За город выехали, когда было уже совсем темно. Встречных машин почти не попадалось. Омар, незаметно для Новицкого, сунул руку под полу легкой куртки и нащупал в кобуре тяжелый пистолет. Усмехнулся.

– Музыка можно включить? – осведомился Леонид.

– Пожалуйста.

Новицкий не привык ездить медленно. Если выдавалась возможность, он гнал, сколько выжимала машина. Но теперь ему приходилось ползти как черепаха. Тяжелый трейлер скорости выше девяноста не мог развить просто физически.

– Не гони, – несколько раз напоминал Омар, когда впереди показывались габаритные огни фуры.

Наконец афганец не выдержал.

– Остановись, – скомандовал он, – у придорожного кафе. Поужинаем, куда нам спешить. Пусть оторвется.

В мангале зловеще краснели угли, зонтики над столиками трепыхались на ветру. Омар пил вино, Новицкому приходилось довольствоваться минералкой. Быстро остывший на свежем воздухе шашлык Новицкому приходилось резать ножом. Застывший жир покрыл его губы. Афганец же рвал мясо зубами и о чем-то сосредоточенно думал. Когда в его кармане заверещал «мобильник», Новицкий даже вздрогнул, настолько нереальным показался этот звук среди загородной тишины.

– Але, – бросил Омар в трубку, и тут же глаза его забегали.

Он затараторил по-арабски. Фарси, язык, на котором говорят в Афганистане, Новицкий немного знал и поэтому сперва пытался ловить слова, но вскоре сообразил: язык принадлежит к другой группе. Разговор был насколько оживленным, настолько же и коротким. Омар на глазах потух, спрятав «мобильник» в карман. Леониду показалось, что сейчас последует команда «гнать вперед со всей скоростью», но вместо этого Омар вяло махнул рукой.

– Еще минут десять подождем, не спеши.

Тем временем Баранчук, сидевший за рулем трейлера, не разжимая зубов, мурлыкал под нос песенку. В пластиковом мундштуке торчала погасшая сигарета, тихо играло радио, и пожилой водитель никак не мог попасть в такт с певцом.

Фура шла тяжело, словно ее под завязку набили тяжелым ДСП. В уме Баранчук прикидывал, сколько же ему осталось собрать денег до заветной покупки – белого, не старше пяти лет микроавтобуса. Он проделывал эту операцию каждый день. И каждый раз ему казалось, что осталось совсем чуть-чуть, пара месяцев. Однако всякий раз из денег, полученных за работу, на семью уходило больше, чем он рассчитывал.

«Еще полторы тысячи», – вздохнул водитель. В мечтах он уже видел себя за рулем бело-снежного «фольксвагена», а в салоне своей несуществующей машины-мечты – мирно дремлющих челноков.

«Куплю машину – приглашу друзей, и махнем в лес на шашлыки, – размечтался Баранчук. И тут же отбросил эту идею как негодную: – Если я за рулем, значит, мне пить нельзя.»

Выпить он любил, для этого приходилось изыскивать левые деньги. Придерживая руль одной рукой, другой он извлек из заветного кармана конверт с деньгами, полученными от Новицкого. Большинства плат и поборов он избежать не мог, и взгляд его остановился на пятидесятидолларовой купюре, отложенной специально для оплаты за проезд по шоссе. Оплату установили совсем недавно, и не на выезде из Минска, а почти на самом подъезде к границе, когда основная часть дороги позади: просто власти решили не разоряться на два пропускных пункта.

«Очень трудно привыкнуть платить за дорогу, если до этого ездил по ней бесплатно» – так рассуждал не только Виктор, но и большинство водителей. С легковых автомобилей денег не брали, если те следовали с белорусскими номерами. С грузовиков же драли – со всех без разбора: скандинавы, немцы, поляки, даже литовцы с латышами вздыхали, но платили. Первое время платили и русские с белорусами, ругались, но расставались с дензнаками. В конце концов – не свои, а полученные от хозяина. Но славянская душа так уж устроена: если где-то можно закон обойти и сорвать халяву, это непременно будет сделано.

Трейлер, натужно урча мотором, взъехал на подъем, и с него открылся впечатляющий ночной пейзаж: переливающаяся огнями, дымящая, парящая, недавно построенная электростанция, гладь озера, полная луна на небе, мириады звезд, зубчатая полоска леса... Тут взгляд Баранчука наткнулся на красные огоньки поста по взиманию платы за проезд, полосатые шлагбаумы, стеклянные будки кассиров. Возвышенное настроение тут же испортилось.

Баранчук нецензурно выругался:

– Придумали, еще и за дорогу платить. При коммунистах ее построили за народные деньги, а теперь кому-то в карман обламывается.

Вправо от шоссе уходил грунтовый съезд, перед которым стоял знак, так нелюбимый водителями, – «кирпич».

«Что за хрень, – подумал шофер, притормаживая и останавливая трейлер. – Если есть дорога, значит, по ней кто-то ездит, но если висит знак, то ехать по ней нельзя.»

Знак был новенький. Столб, на котором он держался, воткнут в кучу недавно высыпанного гравия. Баранчук полез за сиденье, вытащил карту и принялся искать на ней это самое место. Нашел. Возмущению его не было границ:

– А, гаишники, сучьи дети!

По карте выходило, что, попав на съезд, можно проехать две деревни и вновь оказаться на шоссе, но уже за постом, где берут деньги. Баранчук аккуратно сложил пятидесятку и засунул ее в портмоне. С этого момента она стала его собственностью.

«Кому какое дело, какой дорогой я попаду на пропускной пункт», – подумал он.

Подойдя к знаку, шофер обхватил тонкий бетонный столбик и, поднатужившись, вырвал его из кучи гравия. Знак с глухим звоном исчез в придорожном кювете. Водитель отряхнул руки и гордо вскинул голову: «Не было тут знака, когда я ехал».

Трейлер сдал задним ходом.

Баранчук, как законопослушный шофер, включил правые повороты, и его машина покатилась по грунтовой дороге. Проселок оказался разбитым, в пору только на тракторе ездить, но Баранчук, сжав зубы, вел машину. Во-первых, пятьдесят баксов он уже считал своими, а во-вторых, развернуться было уже негде. Впереди показалась деревня. Старые приземистые домишки вплотную подступали к дороге, и фура, расцвеченная огнями, на их фоне казалась пришельцем из будущего. Даже собаки боялись лаять на машину, ползущую по их деревне.

Глава 3

Полноприводной «опель» въехал на подъем легко, словно мчался по ровной дороге.

– Красота, – сказал Новицкий.

Омар кивнул. Электростанция переливалась огнями, отражалась в озере. У самого леса подмигивал красными огоньками пункт оплаты за проезд. «Опель», разогнавшись на спуске, пронесся мимо грунтового съезда с одиноко торчащей кучей гравия.

Новицкий нетерпеливо барабанил пальцами по рулю, ожидая, пока сквозь единственный работающий шлагбаум проедет длиннющая цистерна из нержавеющей стали.

– Пустая идет, – уверенно сказал Леонид. – Красивая машина, красивая надпись. А знаешь, Омар, что они в них возят?

Афганец, продолжая думать о чем-то своем, отрицательно покачал головой.

– Промышленные отходы они сюда возят. Немцы и скандинавы у себя боятся всякую отраву хоронить, а к нам, в Беларусь, и к вам, в Россию, возят. Кому-то неплохие деньги обламываются, но не нам с тобой, а чиновникам. Живут себе люди в городке и не знают, что у них под боком бомба замедленного действия.

– А для тебя есть разница, – спросил Омар, – своей отравой тебя в могилу сводят или заграничной?

Подобный вопрос поставил Новицкого в тупик.

Цистерна проехала шлагбаум, и кассир нетерпеливо махнул рукой – мол, проезжай, чего стоишь? С легковушек денег не берем.

– До границы пятнадцать километров осталось, – проговорил Новицкий, обходя на повороте отливающую в свете фар серебром длинную цистерну с красивой люминесцентной надписью.

– Умеют буржуи даже дерьмо в красивую упаковку заворачивать.

Омар нетерпеливо всматривался вперед. Впереди горели стоп-сигналы большой машины, стоящей на обочине.

– Нет, наша фура побольше будет, – успокоил его Новицкий. – Я думаю, Баранчук уже таможенный контроль проходит.

Омар немного расслабился, убедившись, что на обочине стоит не МАЗ, а «вольво», хотя фуры и были немного похожи.

Баранчук тем временем проклинал собственную жадность. Объездная дорога петляла среди кустов, валунов. На легковой машине тут еще можно было проехать, но длиннющая фура, того и гляди, отцепится. Виктор недооценил гаишников. Те тоже были славянами и прекрасно понимали психологию соплеменников. Перед самым въездом в лес, за которым горела скупыми огнями вторая деревня, высились две огромные кучи гравия. Между ними был оставлен узкий проезд, в который могла втиснуться средних размеров легковушка, но никак не большегрузный автомобиль. Баранчук остановил машину, прыгнул на дорогу и принялся чесать затылок. Трижды он мерил шагами расстояние между кучами, и как ни крути, но широкий МАЗ между ними не пройдет!

– Сволочи!..

Водитель не жалел слов для тех, кто высыпал кучи гравия. Он вытащил из кабины лопату с длинной ручкой. Получалось, что не только придется попотеть, но и на таможенный терминал он опоздает. Обливаясь потом, водитель разбрасывал лопатой гравий. Лезвие то и дело наткалось на крупные камни, в темноте даже искры выскакивали. Пот заливал глаза.

Полчаса махал лопатой Баранчук, пока наконец не выбился из сил.

«Баста», – прорычал он в ночную темень, разбавленную лунным светом.

Даже курить ему уже не хотелось. Но, назло всем, водитель закурил. Он сидел за рулем машины, зло сжимая в зубах мундштук с дымящейся сигаретой. Правая нога нервно давила на газ. По-хорошему, надо было бы еще полчаса помахать лопатой, но, как всякий славянин, Баранчук надеялся на авось.

Трейлер рывком двинулся с места, педаль газа пошла вниз. Баранчук шел на первой передаче. Вздрыгнула кабина, когда трейлер переваливался через гравийный вал. Затем водитель увидел перед собой уже не небо со звездами, а ярко освещенный фарами песок проселка. Это задние колеса переезжали через кучи. Виктор еще сильнее сжал зубами мундштук и добавил газа.

«Кажется, пронесло...» – успел подумать Баранчук, прежде чем почувствовал, что правые колеса отрываются от земли.

Фура несколько секунд балансировала, затем завалилась на бок, увлекая за собой тягач. Баранчук даже не сразу понял, что произошло. Ему показалось, будто горизонт вдруг поднялся и стал вертикально. Справа теперь были звезды, слева – лес и дорога, а фары освещали верхушки сосен. Когда Баранчук пришел в себя, то больше всего его удивило не то, что автомобиль перевернулся (к этому он был готов), а то, что в зубах он продолжал сжимать мундштук с дымящейся сигаретой.

– Вашу мать! – сказал водитель, пытаясь удержаться за рулем.

Он уперся ногой в спинку соседнего сиденья, повернул ручку и распахнул дверцу, как люк.

– Хорошо, хоть все стекла целы.

Он выбрался на кабину, стал, как капитан тонущего корабля на мостике, и осмотрел картину разрушений. Фура лежала на боку. Переднее колесо трейлера медленно вращалось. Немолодой водитель с трудом спустился на землю. Ярко светила луна, освещая днища машины и фуры.

«Вот и заработал я пятьдесят баксов...» – зло подумал Баранчук.

Проблем появилось выше крыши. Мобильника у него не было, рации тоже. Бросить фуру на произвол судьбы и идти в деревню искать телефон он не мог: за сохранность груза расписывался.

«Хоть бы мебель не сильно поломалась», – с надеждой подумал он и боязливо глянул на дверцы фуры.

От удара сорвало запор, никому не нужная теперь пломба болталась на порванной проволоке. Баранчук еле успел отскочить, когда тяжелая дверца сама собой открылась и рухнула на дорогу, подняв столб пыли. Следом за ней посыпались обломки досок.

«Ну вот, еще и запор сорвало, – с отчаянием подумал водитель, глядя в непроницаемое облако пыли, из которого к его ногам упал обломок хорошо оструганной доски. – Ничего, наверное, не я один такой умный. Кто-нибудь тоже поедет в объезд. Попрошу позвонить его в контору Новицкому. Он с меня, конечно, голову снимет за груз. Ну и правильно сделает».

Пыль понемногу улеглась, и Баранчук решил посмотреть, что же все-таки сделалось с грузом. Он увидел торцы деревянных ящиков с набитыми под трафарет цифрами. Ящики были слишком маленькими для того, чтобы в них могли уместиться мягкие диваны и кресла. Ящики, оказавшиеся теперь внизу, не выдержали нагрузки и треснули. Из обломков торчали клочья промасленной бумаги. Баранчук уже собрался было заглянуть внутрь сломанного ящика, как услышал гул двигателя.

– Еще один идиот едет, – обрадовался он и взобрался на кучу гравия, чтобы посмотреть на еще одного любителя экономить хозяйские деньги.

Если бы ехал трактор, могла быть надежда поставить машину на колеса. Свет фар слепил водителя. Он не мог определить, что за машина приближается к нему. Ясно было одно – такой же бедолага, как и он, решивший сэкономить деньги. Виктору даже не пришлось махать

руками. Легкий мерседесовский грузовик с бортовым кузовом остановился. Молодой парень соскочил на дорогу и сокрушенно покачал головой.

– Что ж, бывает, – сказал он вместо приветствия.

– Думал – объеду, – Виктор плюнул в дорожную пыль.

– Гаишники, сволочи!

– Сволочи! – согласился Виктор. – Хоть бы знак поставили.

– Я прошлый раз ехал, знак стоял, – сказал водитель, – но наш брат его всегда норовит в кювет сбросить. Днем еще постоит, а как стемнеет, его и вытаскивают.

– Слышь, братан, – сказал Баранчук, – у тебя «моби́ла» есть?

Молодой водитель засмеялся:

– Я похож на человека с «моби́лой» в кармане?

– Нет, – признался Виктор, – но спросить-то можно.

– Ты спросил – я ответил.

Виктор вытащил пригоршню мятых рублей мелкими купюрами.

– Не в службу, а в дружбу, – обратился он к парню, – ты же на границу едешь...

– Через границу, в Каунас.

– Так вот, позвони с терминала в Минск.

Баранчук на колене шариковой ручкой прямо на рублевой купюре написал номер мобильного телефона Новицкого.

– Скажешь, что фура перевернулась. Пусть присылают другую машину груз перекинуть.

– Что ж, ждать тебе до утра здесь, если не больше, – безо всякого злорадства произнес молодой водитель. – Сделаю. Со всяким случиться может.

– Не могу же я машину бросить, – развел руками Баранчук и с тоской посмотрел на то, как легкий грузовик преодолел разровненные его стараниями кучи гравия и покатил по лесу.

– Кончит меня Новицкий, ой кончит...

Виктор вернулся к фуре, присел на корточки. Никогда прежде ему не доводилось видеть, что именно он возит. Из Москвы в Минск фура приходила опечатанная. Опечатанную он и оставлял ее в Клайпедском порту. Прикормленные таможенники пропускали его без задержек, лишь штамповали документы. Он отвернул промасленную бумагу и замер... Под ней водитель увидел приклад автомата – новенький, сияющий лаком. Из-под него выглядывал ствол другого АКМа, густо покрытый заводской смазкой.

– Ни хрена себе! – пробормотал Баранчук. – Так вот какая тут мебель!

У него стало холодно внутри. Сколько раз он пересекал границу, а ведь могли тормознуть, открыть фуру, и тогда попробуй докажи, что не знал о контрабанде. Ящики были трех видов. Что в меньших, Виктор теперь уже знал. Вытащил сверху больший. Действуя обломком доски как ломиком, вскрыл его и увидел казавшийся в лунном свете черным ручной противотанковый управляемый ракетный снаряд. Такие Баранчук видел, когда последний раз был на военных сборах, в восемьдесят третьем году. Он торопливо принялся прибивать доски на место, а затем затолкал ящик в фуру и устало опустился на землю.

«Вот так влип», – подумал он.

* * *

Очередь на таможенном терминале уже рассосалась. Ночью мало охотников пересекать границу. Козлятко хорошо изучил нравы водителей: к утру прилетят стаей – не успеешь разгребать. Деньги, полученные от Новицкого, он уже спрятал в тайнике: доллары носить в кармане на службе боялся. Тайник начальник смены придумал себе надежный. Брезгливые таможенники не пользовались общественным туалетом, а справляли нужду в лесу. И Козлятко не поленился отойти подальше, чем обычно, нагнул молодую березу, прикрутил к ее стволу скот-

чем газетный сверток с деньгами, а затем отпустил дерево. Три тысячи баксов, спрятавшись среди листвы, вознеслись на высоту пяти метров. И теперь начальник смены любовно вглядывался в темноту, прислушивался, пытаясь различить в шуме листвы шелест денег.

«Опель» – внедорожник остановился у вагончика времянки. Козлятко не стал дожидаться, пока Новицкий зайдет вовнутрь. Переговорить стоило с глазу на глаз.

– Уже проехал? – спросил Леонид после того, как пожал руку начальнику смены.

– Не было еще.

– Как так? – изумился Новицкий.

– А вот так, – пожал плечами таможенник и тут же забеспокоился, поняв, что если фура не проедет, то Новицкий может затребовать деньги назад.

Омар сидел в машине и прислушивался к разговору, доносившемуся к нему сквозь припущенное стекло автомобиля. Новицкий обернулся, встретился взглядом с Омаром. Тот поманил его пальцем. Леонид сел за руль.

– Ничего не могу понять... – Новицкий морщил лоб. – Ты же сам видел, на дороге мы его не встретили, а сюда он не приезжал.

Таможенник постучал согнутым пальцем в стекло. Новицкий открыл дверцу.

– Может, у него родственники живут где поблизости или баба?

– Не знаю, – задумчиво ответил Леонид.

– Возвращаемся, – негромко произнес Омар.

Его лицо стало мрачным. Отъезжая от терминала, «опель» разминутся с мерседесовским грузовиком. Парень притормозил у телефона-автомата, сунул в прорезь карточку. Сверяясь с номером на денежной купюре, набрал цифры.

Закрепленный на приборной панели джипа, мобильный телефон зазвенел. Новицкий вдавил кнопку. В салоне из динамиков зазвучал голос:

– Алло! Алло!

– Слушаю вас, – в голосе Леонида чувствовалось волнение.

– Вы меня не знаете. Я водитель. Звоню от литовской границы. Меня попросил позвонить ваш шофер. Его машина перевернулась, но сам он жив-здоров. Просил прислать другую машину, чтобы перегрузили ящики.

Омар предупредительно поднял палец и прошептал:

– Ящики? Где он?

– Куда прислать? – спросил Новицкий.

– На сто пятьдесят пятом километре есть съезд вправо, если ехать от Минска. Грунтовый съезд, перед самым пунктом оплаты. По нему проехать километра два. Там его и найдете.

– Спасибо, что сообщили, – сказал Новицкий.

– Не за что.

Новицкий, немного подумав, добавил:

– Вы только в ГАИ не сообщайте.

– Зачем? Водительская солидарность... Он объехать хотел...

– Всего хорошего.

Омар отключил связь. Еще никогда Новицкий не видел своего компаньона в таком разобранном состоянии.

– Где этот долбаный съезд? – прорычал Омар.

Афганец буквально пожирал глазами дорогу. Он подался вперед, чуть ли не уткнувшись лбом в стекло. Когда мелькнула куча гравия, он еле сдержался, чтобы самому не ухватиться за руль.

– Туда! – крикнул Омар.

Новицкий перевалил через разделительную полосу, и вот уже джип раскачивался на рытвинах полевой дороги.

- Какого черта его туда понесло? – рычал Омар.
- Деньги, наверное, решил сэкономить, – нервно ответил Новицкий.
- Ты же дал ему деньги, – сузил глаза афганец.
- Дал. Надеюсь, хоть мебель не поломалась.

При слове «мебель» губы Омара брезгливо искривились. Новицкий спинным мозгом почувствовал: разборка не миновать. Джип промчался сквозь сонную деревню. В свете луны издали была видна перевернувшаяся фура. Баранчук уже стоял на дороге, нервно прикуривал. Огонек выхватил его лицо из полумрака. Новицкий и Омар вышли из машины. Баранчук выглядел жалким, потерянным.

- Как это произошло? – спросил Новицкий.
- Как, как – случилось...

Шофер с досадой хлопнул себя по пыльным брюкам. Омар тем временем подошел к фуре, приподнял промасленную бумагу, осмотрел верхние ящики. Ему сразу стало ясно, что шофер видел: никакую не мебель он вез, а оружие. Он вытащил трубку мобильного телефона и зло недолго говорил по-арабски. Затем позвал компаньона и водителя:

- Идите сюда, посмотрим, что можно сделать.

Первый страх у Баранчука прошел. Он осмелел, для профилактики решил немного наехать на работодателей:

- Ладно, мужики, вы тоже виноваты.

Омар косо посмотрел на него.

- В чем дело?

- Если бы я мебель вез, то ни за что бы не перевернулся.

Новицкий пока ничего не понимал. Он с недоумением смотрел на деревянные ящики, в которых наверняка были не мягкие диваны и матрасы.

- Разве ты не мебель вез? – спросил Омар.

– Значит, так, – сказал Баранчук, приподнимая бумагу над разбитым ящиком, – я молчу о том, что вы оружие везли, а вы за это мне... – Он на секунду задумался: – ...десять штук баксов.

Выше его фантазия не поднималась.

– Хорошо, сейчас ты их и получишь, – спокойно произнес Омар, заводя руку под полу куртки.

Даже Новицкий был уверен сейчас афганец вытащит деньги, пусть не десять штук, но пару сотен – точно. Однако произошло другое.

Всего на несколько секунд в руке афганца возник пистолет, трижды полыхнул огонь. Звуки выстрелов показались Леониду Новицкому безобидными, словно Омар стрелял из детского пистолета пистонами.

Баранчука словно ударил в грудь кто-то невидимый, мощный. Два выстрела он еще держался на ногах, а третьим водителя бросило на землю. Он лежал, глядя на звезды невидящими глазами, продолжая сжимать в зубах мундштук с дымящейся сигаретой. Омар не моргнув одним движением отправил пистолет в кобуру, запахнул куртку.

Новицкий, уже осознавший, что Баранчук мертв, хотел было броситься бежать в ночь, понимая, что такая же участь уготована и ему, но то, что афганец спрятал пистолет, помогло ему справиться с собой. Бизнесмен стоял, ноги дрожали, Леонид не мог вымолвить ни слова. Офицер, ранее бывавший под обстрелами, ходивший в атаку под пули, сейчас боялся, как ребенок. Он понимал, Омару ничего не стоит его прикончить, и не понимал одного – почему тот медлит.

- Омар, не надо, – наконец вырвалось у него, и Новицкий не узнал собственного голоса. Афганец, широко улыбаясь, подошел к нему и несильно хлопнул по плечу:

– Леня, успокойся. Ты сильный человек, не то что он, – Омар кивнул на мертвого Баранчука, – ты-то понимаешь, шантажистов всегда убирают. Ты соображаешь, большие деньги просто так не платят.

Наконец-то Новицкий вздохнул полной грудью. Страх отступал, он поверил в то, что будет жить.

– Надо же что-то делать, Омар.

– Для начала надо оттащить труп с дороги.

Омар не прикасался к мертвому водителю. Новицкий с готовностью схватил Баранчука за руки и отволол за фуру.

– Ну что, теперь поехали? – с надеждой спросил он.

– Нет, – Омар закурил и сел в «опель». – Ждать будем.

– Чего? Рассвета? Ментов?

– Не бросать же добро!

Новицкий подбежал к фуре, попытался один приподнять тяжелую дверцу, лежащую на земле, но сумел ее лишь оторвать на полметра, а затем выронил, чуть не отбив себе ноги.

– Леня, не суетись, ложись на меня. Я тебя еще никогда не подводил.

И странное дело, спокойный голос афганца подействовал на Леонида успокаивающе. Он забрался в джип.

– Сосредоточься, успокойся, – советовал Омар.

Новицкий почувствовал, как унимается дрожь в ногах, в руках, как приходят в порядок мысли.

«Я подозревал что-то подобное, – подумал Леонид, – но не хотел думать об этом. И вот, как водится, правда вылезла наружу. Теперь дороги назад мне нет: или смерть, или работаю с афганцем дальше.»

Омар потянулся к магнитоле, включил музыку, негромко, как делает человек, желающий подумать, но боящийся одиночества.

Не прошло и часа, как на проселке показались огни – две машины. Новицкий нервно потянулся к ключу зажигания.

– Ты чего? – спросил Омар.

– Машину надо спрятать.

– Не бойся, свои едут.

Немного не доехав до фуры, остановились два крытых брезентом трехосных ЗИЛа с военными номерами.

– Оставайся в машине, – сказал Омар Новицкому и вышел в свет фар. Постоял секунд пятнадцать, щурясь, но не прикрывая глаза руками. Его узнали.

Происходившее казалось Новицкому сном. Из машины выпрыгнуло десять человек в черных танкистских комбинезонах. ЗИЛ подогнали задним бортом вплотную к фуре, и началась перегрузка. Люди работали молча, слаженно, без перекуров, ящики один за другим перекачивали в объемный кузов военного ЗИЛа. Брезентовый полог задраили, и машина отъехала. Второй ЗИЛ загрузили так же быстро, как и первый, минут за десять-пятнадцать.

Фура опустела. Омар подошел к Новицкому.

– Я уеду с ними, а ты возвращайся в Минск к себе на квартиру. Можешь немного выпить, чтобы снять стресс. Утром позвони на таможню, поинтересуйся, проезжала ли твоя фура. Думаю, менты сами разыщут тебя где-то к обеду, – афганец легко вскочил на подножку ЗИЛа, захлопнул дверцу.

Машины с выключенными фарами исчезли за поворотом дороги. И тут Леонид услышал, какая тишина стоит вокруг. Лишь ветер изредка нарушал ее шелестом кустов.

«На войне как на войне», – почему-то подумал Новицкий, хотя ни войны, ни боя не было, было лишь преступление.

Он исполнил все, как велел ему Омар, в точности, даже по дороге помыл машину. Мыл он ее на шоссе, таская воду из придорожной канавы. Оказавшись в своей однокомнатной минской квартире, Новицкий достал из шкафчика бутылку теплой водки и выпил целый стакан, не отрываясь, мелкими глотками. После чего закурил магазинной солянкой, черпая ее столовой ложкой из банки.

Уже светало, когда Леонид позвонил на таможду. Козлятко, конечно же, сказал, что пока фуры не было, и попытался успокоить Новицкого:

– Наверное, все-таки Баранчук к бабе заехал, выпил немного, вот и ждет, пока протрезвеет.

– Не знаю, – Новицкий удивился, что говорит очень спокойно, – я уже начинаю волноваться, не случилось бы чего.

– Не беспокойся, в другой раз все будет в порядке, – Козлятко намекнул, мол, деньги не пропадут, в следующий раз проедешь бесплатно.

Представители милиции приехали на квартиру бизнесмена лишь к четырем часам вечера. Сперва вместе с Новицким заехали в офис, сверили печати, номера бланков, и лишь после этого следователь рассказал Леониду о том, что случилось. По милицейской версии выходило, что Баранчук, возможно, находился в сговоре с преступниками и по договоренности с ними решил инсценировать ограбление. Но то ли бандиты чего-то не поделили с Баранчуком, то ли были полными отморозками, но они пристрелили водителя после того, как он загнал фуру на проселок.

Новицкий подписал протокол с показаниями и вскоре сам уже почти верил в милицейскую версию. Об Омаре он не упомянул ни словом.

Даже в материальном смысле особо переживать не приходилось. Автомобиль принадлежал конторе по грузоперевозкам и наверняка был застрахован. Имелась страховка и на груз. Новицкого милиция не подозревала: какого черта станет хозяин похищать собственное имущество?

Неделю от Омара не было ни слуху не духу. Появился он неожиданно – вечером. Сперва позвонил по телефону и сказал, что стоит у двери подъезда.

– Мне спуститься? – дрогнувшим голосом спросил Новицкий.

– Нет. Если ты не против, я поднимусь сам, – засмеялся афганец.

Пришел он с бутылкой виски, которого Новицкий на дух не переносил. По советской традиции они устроились на кухне. Омар был в курсе всего, что происходило за последние дни, почти дословно знал показания Новицкого.

– Вот что, Леня, – Омар разлил виски в рюмки, – дело о хищении груза попадет в разряд нераскрытых. Это я тебе обещаю. Пару раз тебя для порядка вызовут к следователю, и все тихо заглохнет само собой, – афганец говорил так уверенно, что не поверить ему было невозможно.

– У тебя крыша надежная? – шепотом спросил Новицкий.

– Надежнее не бывает. И не бойся, ты у себя дома, можешь говорить нормально. Кричать, чтобы соседи слышали, конечно, не стоит.

– Что дальше будет? – на выдохе спросил Леонид.

– Дальше – работать будем. На таможде небось, уже заждались давненько мы им ничего не подбрасывали. На следующей неделе жди очередную фуру, я позвоню, – афганец хоть и разлил спиртное, но сам к нему не притронулся. – И учти, Леонид, одно неверное движение... – Омар улыбнулся. – Но его не будет, ты человек умный и понимаешь, крыша у меня самая надежная. Куда ты ни обратишься, в конечном счете будешь виноват сам. И еще, отыщи вдову Баранчука, дай ей денег, скажи, мол, на памятник мужу. Женщины, они народ такой, пока муж жив, держатся за него зубами и когтями, а стоит ему умереть, сразу о деньгах начинают думать. Дай ей две тысячи, – афганец положил доллары перед Новицким и широко улыбнулся, обнажив крепкие, здоровые зубы. – Не будь как Баранчук, не пытайся сэкономить, – после

этих слов Омар обнял Леонида, будто тот был его лучшим другом, напомнил: – Встретимся на «Славянском базаре» в Витебске, – и покинул квартиру.

Новицкий тупо смотрел на деньги, лежавшие на столе, и думал о том, что если его оставили в живых, то лишь для того, чтобы втянуть во что-то еще более масштабное и одновременно преступное. Хотя куда уж больше – нелегальная торговля оружием! Но тут же бывший советский офицер успокоил себя: «Я думал, что Омар возит наркотики, волновался, но потом успокоился. А оказалось – оружие. Наркотики – удел крутых, но все-таки уголовников, оружием же можно торговать лишь с благословения государства. Значит, крыша над афганцем высокая и надежная. Я просто испугался, хотя в душе всегда мечтал об этом. Я выхожу на новый уровень в бизнесе».

Леонид поставил на стол рядом с бутылкой виски бутылку водки и посмотрел на них, сравнивая. Водка явно проигрывала виски в оформлении: простецкая цилиндрическая бутылка с дешевой этикеткой, четырехгранная бутылка виски заманчиво блестела золоченым тиснением.

«Крутые бизнесмены водку не пьют», – подумал Новицкий, наливая в рюмку золотистый напиток. Он понюхал его, в нос ударил запах, как ему сперва показалось, деревенской самогонки. Но чем дольше держал рюмку в руках Леонид, чем дольше нюхал, тем больше достоинств находил в виски.

– Омар – моя счастливая карта, – тихо сказал он и, запрокинув голову, выпил. Посмаковал, огляделся. Теперь квартира казалась ему убогой, хотя неделю назад он гордился сделанным ремонтом. – Не было счастья, да несчастье помогло, – проговорил Леонид, наливая вторую рюмку. – Не стану мелочиться, все деньги, оставленные Омаром, отдам вдове Баранчука.

Глава 4

В родной Витебск, город, в последнее десятилетие прославившийся «Славянским базаром», Ефим Абрамович Лебединский возвращался из Москвы не с пустыми руками. Ефимом, а тем более Ефимом Абрамовичем, его в Витебске никто не называл – Фима да Фима, хоть и исполнилось Лебединскому уже пятьдесят лет. Был он из той породы людей, которые практически не меняются с возрастом.

Фима на службу не ходил: считал это делом ниже своего достоинства. Зарабатывал на жизнь, как любил говаривать сам, талантом. Играл на трубе в похоронном оркестре. Досконально он знал лишь одну мелодию – похоронный марш Шопена, но исполнял ее только за деньги.

Жил он в самом центре города, неподалеку от витебской ратуши. Его старый бревенчатый дом больше напоминал деревенскую избушку, чем городское жильё. Стоял в овраге, неподалеку от реки – Двины, вплотную примыкая к двухэтажному кирпичному дореволюционному дому. Дом тот совсем обветшал, жильцов из него выселили три года назад, и, поскольку никакой архитектурной ценности он собой не представлял, его собирались снести вместе с халупой Лебединского. Но горисполкому не повезло. Халупа принадлежала Фиме Лебединскому на правах собственности, и он упрямо отказывался сменить ее на квартиру в новостройках.

Приятели-жмуровики, наведывавшиеся к холостому Фиме домой выпить дешевого вина, недоумевали:

– Соглашайся на снос, квартиру получишь плюс деньги.

– Я не доставлю им такого удовольствия, – гордо заявлял Фима, оглядывая свои владения, состоящие из комнаты, сплошь забитой рухлядью, и небольшой кухоньки, правда оснащенной всеми удобствами.

В шестидесятые годы отец Фимы добился-таки подключения водопровода, газа и канализации. Сделать это оказалось не так уж сложно. Все коммуникации были подведены к соседнему дому. Кухня являлась одновременно и ванной комнатой, и прихожей, и даже туалетом. Унитаз от плиты отгораживал старый буфет, а дверью в него служила ситцевая занавеска. Старая чугунная ванна стояла в самом центре кухни, и в обычное время использовалась как стол – ее накрывали досками.

Фима больших денег не зарабатывал. Последние годы горожане стали чаще ходить в церковь, и священники учили прихожан, что музыка на похоронах так же неуместна, как и обильная выпивка.

Покойная мама Фимы любила приговаривать, что если еврей пьяница, то это беда, а если дурак, то это уже национальная трагедия. Фима являлся всего лишь бедой еврейского народа. Выпить он любил. Иногда на неделю уходил в запой и мог даже кое-что из вещей поменять на водку или «чернила». Правда, свято берег черный строгий костюм с белой рубашкой и галстуком да сверкающую медную трубу.

Когда он выходил из запоя, ему становилось стыдно. Стыдно смотреть в глаза людям, стыдно заходить в магазин, стыдно смотреть на собственное отражение в зеркале. Из этого гнусного состояния Фима придумал два выхода. Он запирался в доме, включал старый проигрыватель, ставил поцарапанный виниловый диск, а их у него имелась довольно большая коллекция, и в забытом всеми доме звучал Армстронг, Дюк Эллингтон, а Фима подыгрывал знаменитостям на трубе.

К этому способу Фима прибегал довольно часто, но иногда использовал и второй: клал в карман паспорт, шел на вокзал, садился на электричку и перекладными добирался до Москвы. Если его и ссаживали контролеры, то Фима не расстраивался, садился в следующий поезд.

В Москву он ехал не наобум. В российской столице жил его родной дядя Яков Наумович Кучер, человек положительный во всех отношениях, великолепный стоматолог, раньше работавший в поликлинике КГБ, а в последние годы развернувший частную практику. Сильноначитанный, хорошо образованный москвич, читавший при этом своих витебских предков: в большой комнате его квартиры висели три портрета, написанных еще до войны, в тридцатые годы, его дядей, студентом Витебского художественного техникума. Техникум был преобразован в ставшее потом знаменитым на весь мир художественное училище, в котором преподавали в начале двадцатых годов такие величины, как Шагал, Малевич... Во времена Сталина об этом старались особо не вспоминать даже преподаватели, они прилежно учили студентов работать в стиле соцреализма. Как-то, в порыве родственных чувств, студент решил нарисовать портреты своих братьев-благотетелей: железнодорожника – будущего деда Фимы Лебединского, военного и фельдшера. Поскольку денег на покупку нового холста и подрамников не было, он на чердаке мастерских техникума отыскал старые работы, выполненные в чуждом соцреализму духе, спрятанные туда политическим осторожным завхозом, и со спокойной совестью записал их не масляной краской, а более дешевой и легкой в работе водорастворимой темперой. Все четверо братьев: и железнодорожник, и военный, и фельдшер, и сам художник погибли в войну. Кто в гетто, кто на фронте, а портреты остались у родственников. Яков Наумович собрал их вместе, вправил в одинаковые рамы и вывесил в своей гостиной.

Стоматолог беспутного витебского племянника недолюбливал, но куда денешься – родственник... Приходилось принимать.

Приехав в первопрестольную, Фима врал дяде, что у него разболелся зуб, и Якову Наумовичу приходилось менять пломбы, сверлить дырки, ставить коронки. Спиртного Фиме он не наливал принципиально, а тот и не настаивал. Жил в дядиной квартире, отъедался, без алкоголя здоровел лицом, раздавался телом.

Но проходила неделя, и Фима обязательно срывался. Пока Яков Наумович практиковал в клинике, он шел в гастроном, прихватив с собой из дядиного холодильника иногда замороженную курицу, иногда кусок купленного на базаре мяса, и менял съестное на водку. Пил непременно в одиночестве на дядиной кухне. Когда же Яков Наумович возвращался с работы и делал выговор племяннику за неумеренную выпивку, Фима набрасывался на него с упреками: мол, денег у тебя немеряно, жалеешь единственному племяннику лишний рубль на жизнь подбросить.

В спор пробовала вмешиваться жена Якова Наумовича, но стоматолог мягко останавливал ее:

– Фима мой племянник, а не твой. Я с ним сам и разберусь.

Обычно заканчивалось тем, что дядя давал Фиме немного денег на жизнь, покупал ему билет в купейный вагон, оплачивал проводнице белье, и Фима возвращался в родной Витебск, чтобы снова играть на похоронах и подыгрывать пластинке, с которой звучали великие музыканты прошлых лет, на сверкающей медной трубе.

Но на этот раз денег Яков Наумович Фиме на обратную дорогу в Витебск не дал: многолетняя традиция прервалась. Не потому, что было жалко, а из принципа. Фима требовал купить билет ему не на поезд, а на самолет, хотя самолеты летали только в Минск и в Брест, прямого рейса до Витебска из Москвы не существовало.

– Ни копейки ты от меня не получишь! – твердо сказал Яков Наумович и посмотрел на жену.

Та, как всегда, согласилась с мужем и кивнула.

– Ну и не надо, жминда старый.

Фима осмотрелся. На стене в комнате висели три портрета – старые, написанные еще в тридцатые годы дядей Якова Наумовича, а значит, двоюродным дедушкой Фимы Лебединского, студентом Витебского художественного техникума.

Портреты, надо сказать, были выполнены в хорошей академической школе, полностью отвечали духу тридцатых годов. На центральном был изображен железнодорожник в форме. Особенно тщательно были прописаны молоток и штангенциркуль на кокарде. Фима Лебединский внезапно припомнил, что железнодорожник – родной брат художника – его дед.

– Если вы жминдите дать мне деньги, тогда мы больше не родственники, тогда я забираю от вас дедушкин портрет, был бы он жив, денег бы мне не пожалел.

Фима, прежде чем Яков Наумович успел опомниться, подскочил к стене и сорвал с нее портрет железнодорожника.

– А ну, повесь на место! – взъярился Яков Наумович.

Но, как человек интеллигентный, по-настоящему кричать и ругаться, а тем более драться он не умел.

Фима взял его горлом:

– Чей он дедушка: мой или твой? – кричал Лебединский, размахивая портретом в тяжелой раме. – Я на него как две капли воды похож. Мой дед – не то что ты, жминдой никогда не был.

Деда Фима никогда не видел, тот погиб во время войны в гетто.

– Ну и задавись! Больше чтобы я тебя в своем доме не видел! – сказал Яков Наумович и удивился собственной смелости.

Фима зло хлопнул дверью и вышел на улицу. На пьяные мозги он воспылил любовью к своему погибшему в фашистском концлагере дедушке и твердо решил привезти портрет в Витебск. Шевельнулась было шальная мысль отделить портрет от рамы и продать ее за бутылку водки, но Фима сдержался. Добрался-таки до Белорусского вокзала и пустился в обратную дорогу на перекладных электричках. Его даже пожалели железнодорожные контролеры, когда словили под Смоленском без билета.

Фима показывал им портрет, плакал и приговаривал: «Мой дед тоже на железной дороге работал, его фашисты за это убили, а вы меня с поезда снять хотите».

Дома Фима долго думал, куда бы повесить портрет. В комнате он только ночевал, а все остальное время проводил на кухне – тут ел, играл на трубе, выпивал, один и с друзьями, смотрел старенький телевизор, мылся в ванне и даже ходил в туалет.

Деду он отвел место в простенке между окнами. Гвоздь вбивать не пришлось: Фима привязал портрет веревкой к водопроводным трубам. И теперь, когда к нему приходили гости, он с гордостью показывал на портрет, чувствуя себя чуть ли не потомственным дворянином.

– Это – мой дед. Железнодорожник. Его брат нарисовал. Он в Витебском художественном техникуме учился.

Теперь, даже оставаясь в одиночестве, Фима имел виртуального собутыльника. Наливал рюмку, поднимал ее, подмигивал железнодорожнику на портрете и говорил:

– Чтобы у тебя, дедушка, на том свете тоже было что выпить.

Приближался «Славянский базар». На его время городские власти старались задействовать всех, кто хоть что-нибудь умел делать, имеющее отношение к искусству. На каждой улице, на каждой площади планировались выступления: детские коллективы, самодеятельные театры, военные духовые оркестры. Фима, являвшийся главным диспетчером оркестра жмуровиков, тоже рассчитывал что-нибудь получить: во-первых, деньги заработать, во-вторых, себя показать.

Диспетчером его избрали не потому, что он имел большой музыкальный талант или организаторские способности, просто Фима, единственный из всех жмуровиков, жил в центре, и потому к нему легко было добраться заказчикам.

До фестивального амфитеатра, возле которого располагалось управление культуры, Фиме было идти пять минут: просто выбраться из своего оврага на центральную улицу и перейти трамвайные пути. Фима для визита надел белую рубашку, галстук, черный костюм,

протер тряпкой поношенные ботинки. В общем, оделся как на похороны, что в его понимании значило «лучше некуда».

Прихватил с собой и гордость последних месяцев: один заказчик, не будучи в силах рассчитаться с Фимой деньгами, изготовил ему целую кипу визиток, нарядных, как елочные игрушки, тесненные фольгой в два цвета. С одной стороны на них значилось «Ефим Абрамович Лебединский. Руководитель духового оркестра. Обслуживание погребений и других семейных торжеств». Внизу карточки – телефон и адрес, с микроскопическим планом центра Витебска, где у реки поблескивал красной фольгой крест, очень похожий на могильный. С другой стороны текст был продублирован по-английски.

Разговор с управляющим отдела культуры состоялся недолгий:

– Здравствуйте!

– Здравствуйте!

– Я насчет участия в «Славянском базаре».

Управляющий секунд десять смотрел на Фиму, стараясь припомнить, кто он такой. Лицо ему было знакомо. Управляющий тоже жил в центре и пересекался с Фимой в гастрономе, но сейчас не мог признать в хорошо выбритом, одетом в строгий костюм пятидесятилетнем мужчине неряху в спортивных штанах и майке, выпрашивающим у продавщицы штучного отдела бутылку в долг.

Фима торжественно положил на начальнический стол переливающуюся всеми цветами радуги визитку. И стоило управляющему прочесть фамилию Лебединский, как он вспомнил прошлый «Славянский базар».

Фиминому оркестру отвели тогда для развлечения публики улицу подальше от центра, в районе медицинского университета. Пока было светло, музыканты играли то, что было заявлено в программе, причем играли профессионально, умудряясь обходиться без одного исполнителя. Кто-нибудь постоянно бегал в магазин за выпивкой. Когда стало темнеть и публика потянулась в центр города к амфитеатру, где начинался концерт, Фима поскукнел. За день он уже привык к славе и вниманию.

– Нас бросили, – грустно сказал он жмуровикам. И добавил: – Мы им еще покажем!

Он построил музыкантов на проезжей части улицы и повел в центр. Трубы надрывались «Маршем славянки». Милиция подумала, что так и надо. Публика на бродячий оркестр особого внимания не обращала: хватало и других развлечений. И уже на подходе к главной площади города Фима с ужасом понял, что он дошел до цели, но его никто не замечает. И он, сделав паузу, заиграл на трубе соло, вариацию на «Траурный марш» Шопена. Жмуровики тут же подхватили знакомую мелодию.

Фима играл самозабвенно, наверное, лучше, чем когда-либо до этого в жизни, импровизировал. Публика подтягивалась со всех сторон. Вначале думали, что это один из многочисленных праздничных перфомансов, но исполнение похоронного марша затягивалось, Фима Лебединский никак не мог остановиться.

И тогда охрана амфитеатра решила все-таки выяснить, кто это мешает выступлениям артистов. Фиму и весь его оркестр доставили в отделение...

– Ничего вы у меня на этот раз не получите, – твердо сказал управляющий отделом культуры, припомнив прошлогодние Фимины похождения, – даже на городской помойке я вам не доверю выступать.

– Почему?

– Сами знаете, – скомканная визитка полетела в урну для бумаг.

– На ваши похороны я играть не приду, – с выражением произнес Фима Лебединский, шелкнул каблуками как заправский белогвардейский офицер и резко склонил голову.

Он покинул кабинет, обуреваемый ненавистью ко всем чиновникам. Если раньше Фима иногда еще сомневался, стоит ли покидать халупу на дне оврага, то теперь решил твердо: такого

удовольствия он им не доставит. К «ним» он причислял всех, кто был обличен хоть маломальской властью.

По дороге Фима зашел в гастроном. Продавщица водочного отдела, увидевшая его в костюме, при галстукe, онемела от удивления. Фима, выложив все деньги, какие у него имелись, купил три бутылки водки и, гордо держа их в руках за горлышки, спустился в овраг.

На лавочке у крыльца его уже поджидали двое жмуровиков, желавших первыми узнать от диспетчера, какая площадка в городе отведена им на время праздника. На другой заработок рассчитывать не приходилось. Люди словно сговаривались на дни проведения «Славянского базара», переставали умирать.

– Ну, Фима, не томи, – попросил барабанщик, завороченно глядя на искрившиеся на солнце бутылки с водкой.

– Не будет для нас праздника! – патетично воскликнул Фима, открывая дверь дома.

– Почему?

– Им не понравилось наше прошлогоднее выступление.

– Так я и знал.

Трое мужчин сели на кухне вокруг ванной, накрытой досками. Было слышно, как журчит вода в унитазе за занавеской.

– Дедушка, твое здоровье!

Фима поднял рюмку, подмигнул железнодорожнику тридцатых годов и опрокинул водку в горло. Он был так расстроен, что даже очки запотели.

– Душно мне.

Фима рванул галстук, расстегнул верхнюю пуговицу пока еще белоснежной рубашки. Его загорелое лицо стало таким черным, что казалось, Фима не еврей, а негр. Барабанщик тяжело вздохнул и выпил молча.

– Чего дома сидеть?

Долговязый тромбонист с тоской посмотрел в открытую дверь, за которой виднелись деревья, а за ними сверкала река.

– Вынесем стол на улицу, там и посидим.

Предложение пришлось по вкусу. Из комнаты вытащили круглый стол, стулья. На улице и пилося лучше, и говорилось откровеннее.

– Эх, во что они Витебск превратили, – вздыхал пьяный тромбонист после очередной ходки к гастроному.

– Такой город был! Одни фамилии чего стоят: Шагал, Малевич, Добужинский, Лисицкий...

– Бахтин, – подсказал тромбонист.

– И мой дедушка-железнодорожник.

Фима сидел, подперев голову руками, и смотрел на залитую лунным светом реку.

– А теперь человеку искусства и податься некуда. Даже на вшивом попсовом «Славянском базаре» нам места не находится.

– Они еще придут к тебе, – барабанщик тронул Фиму за плечо.

– Придут, – усмехнулся тот. – Только не они, а их родственники. И вот уж тогда я сыграю на их похоронах.

– Ты на всех похоронах сыграешь, кроме своих собственных, – взгляд тромбониста зацепился за церковные купола. – Если только нам попы мешать не будут.

– Они конкурентов боятся, – брезгливо поморщился Фима Лебединский и хватил стопку водки, после чего ему стало так себя жалко, что на глаза навернулись слезы.

Он чувствовал себя полным ничтожеством перед лицом своего дедушки-железнодорожника. Единственное, что он умел делать в жизни хорошо, это играть на трубе. Фима, прикрыв глаза ладонью, поднялся из-за стола и, пошатываясь, зашел в дом, снял со шкафа трубу, потер

ее рукавом пиджака и взял пару нот на пробу. От обильной выпивки скапливалась слюна. Фима Лебединский на кухне сплюнул в умывальник и встретился взглядом с портретом.

«Они меня не оценят», – подумал он о коллегах, оставшихся за столом.

Ломая ногти, развязал узлы на веревках, снял портрет и с ним вышел на улицу. Поставил его посреди стола, прислонил к пустым бутылкам и заиграл. От души...

За краем оврага, наверху, шла обычная городская жизнь, звенели трамваи, пронеслись троллейбусы. Поздние посетители покидали кафе. Прохожие иногда останавливались, прислушивались, не чудится ли им это: из глубины оврага доносилось неровное соло трубы. Вариации на тему «Траурного марша» Шопена. Фима играл для неба, для звезд, для реки, для шумящих на ветру деревьев. И конечно же, для покойного дедушки-железнодорожника, которого ни разу в жизни не видел.

– По-моему, он умом тронулся, – сказал в конце концов барабанщик тромбонисту после того, как Фима отказался выпить.

Пьяные жмуровики прихватили с собой целую бутылку водки, по-честному оставив Фиме выпитую наполовину, и вскарабкались на откос. Очутившись на ярко освещенной улице, они забыли о своем друге.

Фима играл, пока хватало дыхания, пока слезы не передавили горло. Тогда он отложил трубу и из горлышка допил водку. Как он очутился дома, как разделся, как лег в постель и заснул – Фима не помнил.

Проснулся он ближе к обеду и понял, почему так долго спал: за окном барабанил дождь. Фима сел, протер глаза. Во рту после вчерашнего возлияния было сухо, как в пустыне. Лебединскому некуда было спешить, никто его не ждал.

Он вышел на кухню, долго чистил зубы, отпивался холодной водой, даже успел поставить чайник на плиту, как вдруг увидел, что портрета дедушки на прежнем месте нет. Моментально вспомнился вчерашний вечер, ночь, безумная игра на трубе под звездами и строгий взгляд железнодорожника, словно говоривший: «Выпивка, Фима, тебя до добра не доведет. Ты беда еврейского народа».

Как был, в трусах и носках, Фима выбежал на крыльцо. Стол стоял на дворе, возле него три стула. Дождь ручьями стекал с мокрой скатерти, вздувал пузыри в тарелках, стаканах. Под дождем золотилась труба. Портрет уже не стоял на столе, он лежал.

Фима не торопясь, понимая, что то, что произошло, уже не исправишь, спустился с крыльца. Ливень впивался в его тело стремительно летящими и больно жалящими каплями. Лебединский замер возле стола. Золоченая рама, как фотографическая кювета, была до половины налита водой – мутной, непрозрачной, она, казалось, кипела.

Фима двумя руками взялся за раму, поднял ее. Вода вылилась на стол через угол рамы. Мутный ручеек сбежал, и Фима увидел, что нет больше его деда-железнодорожника. Темперную краску, которой он был написан, смыло водой. Не до конца – еще читались околыш фуражки, овал кокарды, но уже ни лица, ни петлиц не существовало. Из-под воды родился другой портрет, абсолютно чужой, непонятный и даже враждебный Фиме. Неряшливо, как ему казалось, написанная женщина прижимала к груди букет цветов, а за ней простирался глубокий, плотный, небесный фон, словно она летела среди облаков.

Фима провел рукой по картине. Его пальцы оставили четыре полоски на жалких остатках околыша фуражки, четыре голубых небесных следа. Фима опустил на мокрый стул и краем грязной скатерти стал тереть картину, будто надеялся, что дождевая вода смоет и это изображение, а под ним вновь проступит строгий дедушка-железнодорожник, спасший его от контролеров в электричке.

Но женский портрет не хотел исчезать. Наоборот, он становился ярче, сочнее, и Фиме стало стыдно. Он унес из дома своего дяди, Якова Наумовича Кучера, портрет, который провисел там не один десяток лет в целостности и сохранности. И вот теперь он, Фима Лебединский,

уничтожил его – единственную довоенную память о своем предке. Если бы сейчас московский дядюшка Яков Наумович Кучер, стоматолог, оказался перед племянником, тот не задумываясь упал бы перед ним на колени и молил бы о прощении.

У Фимы, растиравшего по лицу слезы, смешанные с дождем и грязью, было такое чувство, будто он узнал о смерти самого близкого ему человека. Лебединский прижал картину к груди, занес ее в дом, долго вытирал полотенцем, а потом поставил в комнате на тумбочку у кровати.

Битый час он сидел, глядя на женщину, смотрящую на него с портрета. Женщина счастливо улыбалась, хотя сказать с точностью, улыбается она или смеется, Фима не рискнул бы. Рот был нарисован одним мазком, прерывистым, неровным. За этот час Лебединский возненавидел женщину на портрете, счастливую, беззаботную, с охапкой цветов. Утешало лишь одно: если портрет покойного дяди был нарисован поверх ее изображения, то и сама она уже давно умерла.

Фима, как мог, просушил портрет и спрятал его в платяной шкаф. Закрылся в доме, включил проигрыватель и принялся играть на охрипшей после дождя трубе спиричуэл – песни американских негров. К вечеру Фима уже пришел в себя, смирился с потерей и твердо решил избавиться от портрета. Просто толкнуть его кому-нибудь перед гастрономом, как Фима понимал, не получится: настоящей цены никто там не даст. В лучшем случае за раму получишь на бутылку. И тут он счастливо улыбнулся. Приближался «Витебский базар», дни, когда город наполнялся денежными гостями и художниками.

Картинами в дни фестиваля торговали повсюду, настоящими и бездарными, подражаниями великим художникам, жившим в Витебске, и просто милыми детскими рисунками.

«Это настанут мои дни, – подумал Фима. – В городе появятся люди с деньгами, – он помнил, что цены в дни «Витебского базара» взлетали в три-четыре раза. – И сумею втюхать эту мазню. Хоть будет на что устроить поминки по портрету дедушки.»

Глава 5

В первом часу ночи, ровно за два дня до начала «Витебского базара», на стоянку возле гостиницы «Витебск» заехал черный шестисотый «мерседес» с московскими номерами, с тонированными стеклами. В казино только-только по-настоящему разворачивалась игра, в гостинице былолюдно. Организаторы праздников уже понемногу съезжались в город, чтобы подготовить выступления звезд, которых они представляли.

Из машины вышел ничем не примечательный мужчина, молодой, незапоминающейся внешности. На заднем сиденье автомобиля стояли две большие картонные коробки. Мужчина захлопнул дверцу, поставил автомобиль на сигнализацию. Дорогая машина бросалась в глаза, даже тут, хотя в центре города, возле казино, всегда собирались крутые тачки. Оставив машину, мужчина вышел на улицу, остановил такси и уехал.

Ровно через пятнадцать минут другое такси доставило с вокзала к гостинице «Витебск» позднего пассажира.

– На стоянку не надо заезжать, – сказал Глеб Сиверов, расплачиваясь с таксистом.

Весь багаж Глеба состоял из легкой спортивной сумки.

– На «Базар» приехали? – поинтересовался водитель.

– Именно.

– Вы артист?

– Мое лицо вам знакомо?

Шофер взгляделся в Глеба. У него возникло странное чувство, будто они когда-то встречались.

– Даже не знаю, может, виделись когда-нибудь.

– Вряд ли. Я впервые в Витебске.

Глеб дождался, когда машина уедет, и проследовал на стоянку. Бросил взгляд на номера шестисотого «мерседеса». Все сходилось – именно такой номер сообщил ему генерал Потапчук. Глеб достал из кармана ключи с электронным брелоком, нажал кнопку. Сигнализация издала короткий свист, и лампочка, укрепленная у лобового стекла, погасла.

Машина открылась легко. Сиверов забрался вовнутрь, захлопнул дверцу. Теперь его никто не видел. Лобовое стекло смотрело в сияющую рекламой стену казино, остальные стекла были темны, как тропическая ночь. В перчаточном ящике лежали документы: три паспорта на разные фамилии, журналистское удостоверение, пластиковые бэджи с металлическими клипсами.

Глеб перебрался на заднее сиденье, вскрыл ящик и засмеялся: в нем, как он и просил, лежала униформа. Такую мог носить водитель лимузина, если бы среди них нашелся парень под два метра ростом. И ботинки сорок шестого размера. Тут же, в картонном ящике, Сиверов отыскал запалы к гранатам и детонатор к мине, три коробки патронов для винтовки. В другой картонке лежали сами гранаты, два пистолета, глушители к ним и мина, замаскированная под пакет с апельсиновым соком.

«Снарядили меня, словно коммандоса. Эх, жаль, надо было сказать, что боевая машина пехоты – это всерьез. И она бы ждала меня на выезде из Витебска.»

Глеб переложил права и техпаспорт на машину в карман куртки, зашел в гостиницу. На стекле, у окошка администратора, красовалась давно забытая с советских времен надпись: «Свободных мест нет», а внизу, уже выполненная шрифтом помельче, висело объяснение: «В связи с проведением фестиваля „Славянский базар“».

– У меня номер бронирован.

Администратор долго сверялась со списками, затем посмотрела на Глеба с уважением. Ему был отведен одноместный номер на шестом этаже, там, где селили людей с положением

в обществе. Сиверов заполнил анкету аккуратными печатными буквами, а подпись поставил неразборчивую, но достаточно похожую на ту, которая была в оперативном паспорте. Получив от администратора ключ с тяжелым латунным конусом-брелоком, он вошел в лифт. Тут же Глеб отсоединил конус от ключа – не хватало еще таскать его с собой.

«Лучше бы уж открывалку для бутылок прицепили», – подумал Сиверов.

Створки лифта разъехались, и перед Глебом показался длинный, застланный ковром коридор. Все двери в номерах были снабжены глазком. Ярко горели вмонтированные в низкий подвесной потолок галогенные лампочки.

«Если в номере есть еще и горячая вода, я буду удивлен», – подумал Сиверов, открывая дверь.

«Скромно, но со вкусом», – решил он, оглядывая номер. Двухспальная кровать, несмотря на то что номер был одноместным, фирменный телевизор на кронштейне – аппарат можно было закреплять в любом положении, небольшой письменный стол, кувшин, стаканы. В дверь ванной комнаты вставлено матовое стекло. Вместо самой ванной – кабинка для душа. Унитаз прикрывала бумажная полоска с синей надписью: «Продезинфицировано».

«Не знаю, может быть, и стерильно, но пить оттуда я не собираюсь», – подумал Глеб.

Он только успел помыться, как зазвенел телефон.

«Вот уж новость. Генерал Потапчук никогда не позволит себе связаться со мной иначе, кроме как по мобильному. Кому я понадобился?»

Номер в гостинице «Витебск» Сиверов заказал на всякий случай, для подстраховки. Она являлась самым высоким зданием в городе, и ее крышу можно было использовать как площадку для снайперской стрельбы.

Сиверов снял трубку.

– Алло, с приездом вас, – прозвучал несколько развязный женский голос.

– Спасибо, – улыбнулся Сиверов.

– Вы, наверное, устали с дороги, хотели бы с толком отдохнуть?

– Именно отдохнуть.

– Я бы могла помочь вам в этом.

– Девочка, – Сиверов сел на двухспальную кровать, – запомни и своим подругам передай: этого номера нет в ваших записных книжках. Во всяком случае, на то время, пока я в Витебске.

– Но вы же один, – не унималась проститутка, – и вам, наверняка, скучно. А я умею делать это великолепно. Или, может быть, ты другой ориентации? Тогда я передам трубку своему другу.

– Забудь этот номер.

Глеб сказал так твердо, что проститутка наконец смирилась: в ее услугах здесь не нуждаются.

– Ну, тогда как хочешь.

Она повесила трубку. Сиверов подошел к окну, раздернул шторы. Пейзаж открывался великолепный: широкая река, мост через нее, вознесенный на трех металлических арках, и небольшая древняя церковь в византийском стиле.

«Конечно, хорошо иметь красивый пейзаж за окном, – подумал Сиверов, – но мне больше бы подошел номер, чьи окна расположены над подъездом гостиницы. Исполнителя подвел стереотип – он постарался и выбрал лучший номер, но далеко не самый удобный для заказного убийства.»

Глеб покинул гостиницу, вновь открыл машину. Перегрузил ящики в багажник, униформу и ботинки бросил на переднее сиденье.

«Есть время покататься по городу», – и машина взлетела на мост. Сиверов обернулся. Сзади никого не было. Он, притормозив, распахнул дверцу, ботинки поставил на тротуар, а униформу швырнул в реку.

К утру Глеб обследовал окрестности города на расстоянии десяти километров, знал все небольшие частные мотели, заправки, ресторанчики и кафе. На всякий случай запомнил несколько мест, где легко инсценировать аварию. Лучше всего для этой цели подходили участки дорог с высокими насыпями, крутыми откосами, на поворотах. Достаточно взорвать перед идущей ночью машиной ослепляющую гранату, как шофер слепнет, и автомобиль на скорости, пробивая ограждение, уходит с дороги. Следов практически никаких, все выглядит правдоподобно, как несчастный случай.

Сиверов любил действовать самостоятельно, иметь в запасе с десяток вариантов. К утру он вернулся в Витебск и отсыпался в номере до обеда. Прошелся по городу пешком, присмотрел точки, с которых из снайперской винтовки можно поразить цель в амфитеатре. Таковых оказалось немного: старая пожарная каланча на другом берегу Западной Двины, точно напротив фестивальной площадки, башня ратуши и три современных высотных дома.

Сиверов зашел в маленький уютный бар в старой части города попить кофе. Девушка за стойкой покосилась на его заношенные джинсы. Даже за день до открытия фестиваля публика в зале собралась сплошь солидная, если не в костюмах, то хотя бы в белых штанах и светлых рубашках.

«Выгляжу я отвратительно, – решил Глеб, сидя на высоком табурете перед чашкой отлично сваренного кофе. – Не вяжется джинсовый прикид с шестисотым «мерсом», я должен быть под стать автомобилю, я должен стать незаметным. И если большинство народа предпочитает костюмы, то и мне придется надеть пиджак.»

В ближайшем магазине Сиверов присмотрел себе вполне пристойный костюм, легкий льняной пиджак и темные брюки. Серая рубашка и серебристый галстук дополнили картину. Теперь Глеб выглядел достаточно безлико для изготовившегося к празднику города.

«Еще три пары таких же рубашек», – попросил Сиверов и вскоре вышел с бумажным пакетом в руках на улицу.

Костюм был на нем, в пакете лежали джинсы, куртка и рубашки, купленные про запас.

Глеб, приезжая в другие города, не любил расспрашивать жителей, он всегда сам пытался найти то, что ему нужно. Если живешь в большом городе, то в меньшем ориентируешься с легкостью. Вскоре Глеб уже стоял перед подъездом гостиницы «Эридан». И здесь для него людьми Потапчука был забронирован номер. Глеб заселился по другому паспорту, прежний остался в номере гостиницы «Витебск».

– ...и место на гостиничной стоянке, – предупредил Сиверов, когда платил за номер. – А цены у вас покруче, чем в Москве будут, – усмехнулся он.

Девушка-администратор пожалала плечами:

– «Славянский базар» всего один раз в год проводится. Приезжайте в другое время, тогда не разоритесь.

Глеб забрал паспорт и пропуск в гостиницу.

– Мне ваши цены до лампочки: деньги платит продюсер.

Эта гостиница выгодно отличалась от прежней. Номер больше, широкие окна, просторная ванная комната. От номера, в котором должен был поселиться Омар шах-Фаруз, Глеба отделяло три апартамента. Пока администратор оформляла его, он успел заглянуть в списки. Соседний номер был забронирован на имя Макса Фурье, в скобочках старательно было выведено «Франция», чтобы не ошибиться и сорвать плату за гостиницу в валюте. Номер Фурье от номера Омара отделял двухместный номер.

«Если жильцов двое, значит, они охранники», – справедливо рассудил Глеб.

Он открыл окно, выглянул на улицу. Третий этаж, внизу стоянка машин, отделенная от проспекта нешироким сквериком, ни одной приличной точки, чтобы засесть со снайперской винтовкой. Разве что на крыше блочного пятиэтажного дома, но расстояние от него солидное,

стекла в оконных пакетах двойные, и траектория пули наверняка изменится, вряд ли Омар оставит открытой раму окна. Нужно было искать другие варианты.

Пока у Сиверова точного плана не было, лишь прикидки. Но ни одна из них его не устраивала. По опыту он знал, можно составить подробнейший план, где будет расписан каждый шаг, каждое движение, но жизнь обязательно подбросит пару сюрпризов, и действовать придется спонтанно, полагаясь на талант импровизатора.

Омар шах-Фаруз должен прибыть сегодня вечером, и еще оставалось время осмотреть город. Достопримечательности Глеба не интересовали. Он объехал на машине весь центр, нашел несколько дворов со сквозными проездами, отметил места, где можно спрятать машину. И хотя центр города был перекрыт для автомобильного движения в связи с фестивалем, Глебу даже не понадобилось предъявлять пропуск, заготовленный Потапчуком. «Мерседес» выглядел внушительно, не хуже, чем другие представительские автомобили, обслуживающие известных артистов. Глеба повсюду принимали за шофера одной из звезд эстрады.

Вечером гостиница до отказа наполнилась народом. В бар не протолкнуться, у окошечка администратора выстроилась длинная очередь. Глеб сидел в холле с книжкой в руках, он ничем не выделялся среди других постояльцев. Одеты так же как и он, водители лимузинов таскали чемоданы. То и дело возникали скандалы: то одной певичке не нравилось, что окна ее номера выходят во двор, то танцовщик возмущался, что его номер расположен рядом с баром и он не сможет выспаться.

Весь обслуживающий персонал гостиницы был на ногах, директору приходилось успокаивать капризных артистов. Дежурные вымученно улыбались, и было видно, будь их воля, они, несмотря на деньги, выгнали бы склочную публику на улицу.

«Каждый артист считает себя пупом земли и поэтому ведет себя соответственно», – подумал Глеб и достал сигарету.

Прямо к подъезду гостиницы подкатила черная «вольво». Вначале из нее вышел крепко сложенный мужчина в расстегнутом пиджаке. Осмотрелся. Коротко стриженные волосы, бычья шея, маленькие, невыразительные глазки.

«Охранник, потому и пиджак не застегнут, под ним кобура», – отметил Глеб.

Охранник распахнул дверцу, и на ковровую дорожку, раскатанную от самой двери гостиницы до бордюра, ступил Омар шах-Фаруз. В руке он держал плоский серебристый портфель с кодовыми замками. Следом за ним выбрался молодой европеец с цепким, вороватым взглядом. На плече небольшая цифровая видеокамера в футляре.

«Французский тележурналист Макс Фурье, – его фото Глеб пару часов назад отыскал в Интернете. – Кого только не сведет вместе «Славянский базар!»

Макс Фурье был личностью довольно известной. Прославился он документальным сериалом «Ночная жизнь больших городов». Самого сериала Глеб не видел, но знал о нем благодаря сайту журналиста в Интернете. Отзывы критиков о нем были прямо противоположные. Одни называли сериал открытием современного телевизионного кинематографа, другие обзывали Макса Фурье ремесленником, идущим на поводу у низменных инстинктов публики.

У двери гостиницы Омар и Макс разыграли сценку из немой кинокомедии, каждый норовил пропустить вперед другого. Наконец, как и положено, окончилось тем, что оба мужчины протиснулись вдвоем – одновременно. Охранник все время нервничал, ему не терпелось, чтобы его хозяин оказался в закрытом помещении.

«Омар не похож на человека, которому известно, что жить ему осталось совсем недолго, – подумал Глеб. – Даже совсем наоборот, ему кажется, он будет жить вечно.»

Хорошо знакомый с советскими порядками, Омар бросил взгляд на очередь перед окошком администратора и даже не стал становиться в ее хвост. Посмотрел на ближайшую девушку с бэджом сотрудника гостиницы и поманил ее пальцем. Взгляд у него был властный, такому трудно не повиноваться.

Девушка подошла:

– Добрый вечер! Вы наш гость?

– Милая моя, – взгляд Омара скользнул по затянутой в лиловый костюм пышной фигуре девушки.

«Больше всего его впечатлили широкие бедра», – отметил Глеб.

Не таясь, Омар достал из бумажника двадцать долларов и сунул в нагрудный карман служительницы гостиницы:

– Я не люблю тратить свое время попусту, я люблю тратить деньги. Макс, давай свой паспорт.

Француз, искавший до этого в холле знакомых, торопливо вытащил паспорт. Формальности были улажены за каких-то пару минут, девушка вручила гостям пропуска и пожелала им приятно провести время на празднике.

«Он неравнодушен к полным славянским женщинам.»

Дождаясь лифта, Омар ощупывал взглядами толстушек. Сиверов дождался, когда створки лифта сойдутся, и вышел на улицу. Обогнул здание и оказался на автомобильной стоянке. Свет в окнах третьего этажа зажегся. Вначале к окну подошел охранник и, приложив ладони к лицу, чтобы не мешал свет, оценил обстановку. Он лишь слегка приоткрыл окно и тут же плотно задернул шторы.

Сосед же шах Фаруза, Макс, особой осторожности не проявлял. Он настежь открыл окно, сел на подоконник с ногами и закурил. Глеб вернулся к себе в номер, оставил дверь приоткрытой.

Палестинская певичка приехала уже за полночь, но Омар даже не вышел ее встретить, отправил охранника. Худая, смуглая, с длинными черными волосами девушка прошла мимо Глеба, даже не взглянув на него. Бывают такие женщины, всем своим видом показывают: «Не подходи!».

Зазвенел «мобильник», этот номер знал один лишь человек – генерал Потапчук. Пришлось прикрыть дверь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.